

Послесловие к мартирологу расстрелянных и похороненных на Донском кладбище в Москве¹

КНИГИ ПАМЯТИ ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ издаются сегодня во многих регионах России². Структура и содержание этих изданий весьма различны. Основную их часть обычно составляют краткие биографические справки – как о расстрелянных, так и об отправленных в лагеря, ссылки, труд-поселки. Чаще всего биографические справки публикуются в алфавите имен, иногда материал разбит на несколько алфавитных списков (по местам проживания, видам репрессий, по хронологии).

В Москве и Петербурге, где масштабы расстрелов были особенно велики, изданные Книги Памяти пока посвящены исключительно казненным. При этом в Москве, в отличие практически от всех других регионов, сложилась традиция составления Книг Памяти по местам захоронений. В русле этой традиции подготовлено и настоящее издание, посвященное расстрелянным в 1935–1953 гг. и впоследствии реабилитированным жертвам политического террора, чей прах был захоронен на Донском кладбище близ Московского (Донского) крематория.

ОПРЕДЕЛИТЬ МЕСТА ЗАХОРОНЕНИЙ РАССТРЕЛЯННЫХ чрезвычайно трудно, очень часто – невозможно. Еще в первые годы советской власти специальным распоряжением Верховного трибунала ВЦИК, адресованным всем председателям трибуналов, было предусмотрено, что «тело расстрелянного никому выдаче не подлежит, передается [земле] без всяких формальностей и ритуала, в полном одеянии, в коем был расстрелян, на месте приведения приговора или в каком-либо другом пустынном месте, и таким образом, *чтобы не было следа могилы* (курсив наш. – Авт.), или отправляется в погребальный морг»³. Как видно уже из этого текста, места захоронений с самого начала были окружены особой завесой секретности. В дальнейшем эта завеса становилась еще плотнее. Только после того, как стали отчасти доступны документы, хранящиеся в московских архивах ФСБ, некоторые – далеко не все – вопросы, связанные с местами захоронений в Москве, удалось прояснить.

¹ Расстрельные списки. Москва, 1935–1953. Донское кладбище [Донской крематорий] : Книга Памяти жертв политических репрессий. М.: Общество «Мемориал»; Звенья, 2005.

² Полный перечень изданных на территории бывшего СССР Книг Памяти см. в кн.: Книги памяти жертв политических репрессий в СССР : Аннотированный указатель / сост. Ю.П. Груздев, А.Я. Разумов. СПб., 2004. О состоянии работы над этими книгами в различных регионах России, на Украине и в Казахстане см. в кн.: Международный проект создания единого электронного банка данных жертв политических репрессий «Возвращенные имена». Нижний Тагил, 2003.

³ Циркуляр от 14 октября 1922 г. Подписан зам. председателя трибунала А.В. Галкиным, помощником Прокурора РСФСР Н.Н. Овсянниковым и зам. начальника Управсуднадзора Н.С. Уманским. Цит. по копии из архива Общества «Мемориал».

В архиве Управления ФСБ по г.Москве и Московской области сохранились предписания на расстрелы и акты о приведении в исполнение приговоров за 1937–1938 гг. В этих актах имена 20 765 человек. Никаких официальных документов о месте их захоронения в архиве нет. Однако в результате опроса бывших сотрудников Московского управления НКВД, проведенного в начале 1990-х годов, и изучения ряда архивно-следственных дел было установлено, что захоронены эти люди под Москвой на так называемом Бутовском полигоне⁴.

В Центральном архиве ФСБ хранятся материалы, связанные с расстрелами начиная с 1920 г. Материалы скомплектованы в отдельный фонд № 7, включающий преимущественно несколько типов документов: предписания на расстрелы, акты о приведении приговоров в исполнение, а также направления на захоронение или кремацию тел расстрелянных и акты о захоронении/кремации. Встречаются по временам и иные материалы – копии приговоров, акты о сожжении вещей осужденных и др.

Бросается в глаза явная неполнота этого корпуса документов. Отметим лишь самые существенные лакуны. Во-первых, отсутствуют материалы о московских расстрелах первых трех лет советской власти. Во-вторых, здесь нет (за очень небольшими исключениями) документов о расстрелах в Москве по приговорам судебных органов за период с 1922 г. по декабрь 1934 г. За эти годы мы встречаем в основном документы, связанные с расстрелами по приговорам Коллегии ОГПУ и других внесудебных органов. А например, документы о расстрелах по приговорам Военной коллегии Верховного суда СССР с высокой степенью полноты представлены здесь лишь с осени 1936 г., с момента прихода к руководству НКВД Ежова. По всей вероятности, материалы, отсутствующие в архивах ФСБ и касающиеся исполнения приговоров судебных органов, следует разыскивать в архивах судов, трибуналов, в архиве ВКВС К сожалению, до сих пор мы не имели возможности провести эту работу.

ЧТОБЫ ОБЪЯСНИТЬ ЧИТАТЕЛЮ, на основании каких данных составители делали вывод о захоронении рядом с Донским крематорием праха или тел расстрелянных, мы должны хотя бы кратко описать основные виды «расстрельной документации» в фонде № 7 ЦА ФСБ.

Предписания на расстрелы визируют руководители того органа, который вынес приговор. Если это был орган судебный, то под предписанием стояла подпись председателя (или заместителя председателя) суда или трибунала. Если к расстрелу приговаривал внесудебный орган (Коллегия МЧК в 1920–1922 гг., Коллегия ГПУ–ОГПУ в 1922–1934 гг., Особое совещание при НКВД в годы войны), то предписание обычно подписывал кто-то из заместителей председателя ОГПУ/наркома внутренних дел, иногда еще и начальник учетно-статистического отдела этого ведомства. В эпоху самых

⁴ См. об этом экспертное заключение Министерства безопасности РФ от 6 апреля 1993 г. (Мемориал-Аспект. 1993. № 1(3). С. 4). См. также в кн.: Бутовский полигон. Т. 1. М., 1997. С. 357–358. В последнем выпуске этого многотомного издания (М., 2004) см. статью Л.А. Головковой, содержащую многие подробности о московских расстрелах.

массовых расстрелов, в 1937–1938 гг., предписания по приговорам внесудебных органов (Комиссии НКВД и Прокурора, тройки УНКВД) на местах подписывали начальники УНКВД, а в Центральном аппарате НКВД – тогдашние начальники учетно-статистического отдела⁵.

Предписание (почти всегда машинописное, а если исходило от судебного органа, то на его бланке) содержало стандартную формулу приказа («с получением настоящего предлагается Вам расстрелять...» «приказываю привести в исполнение приговор к высшей мере наказания над...» и т.п.), за которой следовал список – фамилии, имена, отчества, в некоторые периоды и годы рождения (или возраст) осужденных. В предписаниях судебных органов часто указывалось, кем именно и когда осужден человек, иногда назывались и статьи обвинения.

Адресованы были предписания, как правило, комендантам судебных органов или комендантам ОГПУ–НКВД–МГБ, которые непосредственно отвечали за приведение приговоров в исполнение, т.е. руководили расстрелами. В определенных случаях предписания адресовались начальникам учетно-статистического отдела, и уже те отдавали соответствующие указания комендантам.

Акты о приведении приговоров в исполнение в начале 1920-х годов писались зачастую на самом предписании (и порой сводились к помете «исполнено», дате и подписи), изредка оформлялись на отдельном листе (преимущественно когда речь шла об исполнении приговоров судебных органов). В более поздний период такие акты в большинстве своем писались от руки на обороте предписаний или на последней их странице (если на ней оставалось достаточно места). Если предписание касалось одного или нескольких человек, то в акте перечислялись фамилии расстрелянных; если расстрелянных было много, то обычно указывалось лишь общее их число («Приговор в отношении поименованных на обороте сего [стольких-то] человек приведен в исполнение»). Со временем документация становилась более формализованной. С конца 1930-х годов акты все чаще исполняются на пишущей машинке на отдельных листах. Упорядочивается и процедура их подписания. В 1920-х – начале 1930-х годов акт часто подписывала вся «спецгруппа» сотрудников НКВД, участвовавшая в процедуре расстрела (пять-шесть подписей), со второй половины 1930-х годов подписи рядовых исполнителей исчезают, с этого времени акты подписывают не более трех человек: комендант НКВД (или его заместитель), прокурор достаточно высокого ранга, кто-то из ответственных сотрудников учетно-статистического отдела НКВД–МГБ. В исключительных случаях встречаются подписи председателей судебных

⁵ Это подразделение органов безопасности в разные годы называлось по-разному: отдел центральной регистратуры, учетно-статистический отдел, 1-й спецотдел, отдел «А» МГБ СССР и др. В функции отдела входил в том числе и контроль за исполнением приговоров. Со второй половины 1930-х годов представитель отдела (начальник отделения, зам. начальника отдела, в некоторые периоды и начальник отдела) обязательно присутствовал при исполнении приговоров к расстрелу.

органов⁶. В актах обязательно проставлялась дата исполнения приговора, иногда – час. Место исполнения не указывалось.

Направления на захоронение/кремацию выписывались дежурным по ОГПУ–НКВД (1920-е – 1935), комендантами, руководившими исполнением приговоров (1920-е – 1937), в 1936–1937 гг. также и помощником/заместителем начальника учетно-статистического отдела ГУГБ. До середины 1930-х годов направления обычно писались на небольших (1/4, 1/8) листках бумаги, в 1936–1937 гг. – на бланках. Стандартные формулы таких распоряжений, адресованных, как правило, директору кладбища/крематория, – «Примите для немедленного захоронения/кремации [столько-то] трупов», или «Прошу принять вне всякой очереди для кремации [столько-то] трупов», или «Примите для немедленного сожжения [столько-то] трупов».

Расписки или акты о захоронениях/кремациях в 1920–1937 гг. исполнялись, как правило, на оборотной стороне направлений. До середины 1930-х годов часто встречаются лаконичные расписки на лицевой стороне – «принято», «[столько-то] трупов принял». После 1937 г. сохранившиеся акты исполнены на отдельных листах. С годами записи становились более формализованными: «Мы, нижеподписавшиеся, свидетельствуем, что [такого-то числа] было предано кремации [столько-то] трупов».

Последние два вида документов – основные источники для определения мест захоронения расстрелянных. К сожалению, в ЦА ФСБ они сохранились далеко не полностью, – очень многие направления и акты о захоронениях/кремациях утрачены.

ИЗ ДОКУМЕНТОВ ВИДНО, что в 1920–1926 гг. захоронения расстрелянных производились на кладбище Яузской больницы (ныне больница № 23). Направления были адресованы в Яузскую больницу или в Яузский морг. Дежурный по моргу («анатомическому театру») расписывался в приеме трупов – как правило, на самих направлениях, но бывало, что и на оборотной стороне каких-то рецептов (обрывков больничной документации). Последнее захоронение расстрелянных в Яузской больнице в документах ЦА ФСБ зафиксировано 30 сентября 1926 г.

С октября 1926 г. в течение почти десяти лет местом захоронения расстрелянных было Ваганьковское кладбище. Направления на захоронения адресовались директору кладбища. Во многих направлениях называлась не только его должность, но и фамилия – Борисов. Его же подпись стоит и на целом ряде расписок в «принятии трупов для захоронения». Последние известные нам документы о захоронении расстрелянных на Ваганьковском кладбище относятся к весне 1936 г.

⁶ Только по этим актам устанавливается круг лиц, принимавших участие в процедуре расстрела. Но иногда при расстрелах присутствовали и высшие руководители НКВД. Однако под актами они обычно не подписывались. Например, заместитель Ежова М.П. Фриновский присутствовал при расстреле первого Прокурора СССР И.А. Акулова, сам Ежов – при расстреле командующего Белорусским военным округом И.П. Белова. В актах о расстрелах их присутствие не отражено (см.: Звягинцев А., Орлов Ю. Прокуроры двух эпох. М., 2001. С. 98; Реабилитация: как это было / сост. А.Н. Артизов и др. Т. 2. М., 2003. С. 768).

Существуют довольно твердые свидетельства, что эпизодически казненных хоронили на Калитниковском кладбище. Скорее всего это происходило в начале 1930-х годов, возможно, и несколько раньше. Однако официальных документов о захоронениях на Калитниковском кладбище в ЦА ФСБ мы не обнаружили.

В эпоху «большого террора» в ближнем Подмосковье возникли еще два места массовых захоронений – «Бутовский полигон» и территория бывшей дачи Ягоды рядом с совхозом НКВД «Коммунарка».

Эти «зоны» («спецобъекты НКВД») начали функционировать в конце лета – начале осени 1937 г., с развертыванием массовых репрессивных кампаний, когда резко возросли масштабы расстрелов. Первая «зона» была подведомственна Московскому УНКВД, вторая – Центральному аппарату НКВД. Соответственно в первой в 1937–1938 гг. хоронили расстрелянных по делам, следствие по которым вело Московское УНКВД (практически все эти люди были осуждены внесудебными органами), во второй – расстрелянных по делам, следствие по которым вели отделы Центрального аппарата (большинство были осуждены ВКВС).

Как уже говорилось, официальных документов о захоронениях в «зонах» нет. Полагаем, что их и не существовало. Причина очевидна: «хозяевами» этих территорий были те самые коменданты, которые осуществляли расстрелы, поэтому писать формальные направления на захоронения или составлять соответствующие акты не представлялось необходимым.

В какой из двух «зон» производились захоронения расстрелянных в 1939–1941 гг., не вполне ясно. Насколько известно, к 1942 г. «Бутовский полигон» перешел в ведение Центрального аппарата. Есть свидетельства, что в Бутово захоронения продолжались едва ли не до конца войны.

Наконец, в Москве существовало еще одно место захоронений – это территория рядом с крематорием. Крематорий был введен в строй в октябре 1927 г., к 10-летию советской власти. С 1930-х годов здесь втайне кремировали и тела расстрелянных⁷.

В документах фонда № 7 первое подтверждение кремации расстрелянных относится к началу 1935 г.⁸ Впрочем, как уже отмечалось, материалы фонда отражают далеко не все расстрелы. По-видимому, кремация расстрелянных по приговорам судебных органов производилась с самого начала 1930-х годов, не исключено, что и еще ранее, с момента открытия

⁷ Не только расстрелянных, но и иных жертв репрессий – замученных во время следствия, покончивших с собой. К сожалению, на этот счет мы располагаем только случайными данными. Например, 27 апреля 1938 г. при аресте покончила с собой (выбросилась с шестого этажа) И.С. Мантейфель, муж которой уже был расстрелян. В тот же день тело ее кремировали. Еще пример: по распоряжению Берии (ссылавшегося на указание Сталина) было направлено на кремацию тело В.К. Блюхера, скончавшегося от пыток 9 ноября 1938 г. (См.: Реабилитация: как это было. Т. 2. С. 766).

⁸ Первая по хронологии дата кремаций в нашей книге – 15 марта 1935 г. В этот день расстреляли 22-летнего студента сельскохозяйственной академии Сергея Самойлова. Судя по тексту приговора, он среди студентов «пропагандировал создание контрреволюционной организации и проведение террористических актов против членов совправительства». В качестве доказательства реальной подготовки к терактам ВТ МВО указал на единственный факт: Самойлов «приобрел пособие по химии и занимался изучением взрывчатых веществ».

крематория. Точными сведениями на этот счет мы к настоящему времени не располагаем.

В 1936–1937 гг. тела большинства расстрелянных по приговорам судебных органов направляли на кремацию. Если расстрел производился по приговорам ВКВС, то направление на кремацию с мая 1936 г. и до августа 1937 г. подписывал руководивший приведением этих приговоров в исполнение комендант ВКВС И.Г. Игнатьев⁹.

С конца августа 1937 г., в течение четырех месяцев все направления в Московский крематорий подписывал заместитель начальника 8-го (учетно-статистического) отдела ГУГБ НКВД С.Я. Зубкин (он подписывал такие направления уже с июня 1937 г., но только на расстрелянных по приговорам внесудебных органов). Эти документы всегда заполнялись им лично, от руки, на собственном бланке. Его же рукой в большинстве случаев на обороте направления написан и текст акта о кремации (или захоронении), под которым лицам, ответственным за кремации/захоронения, оставалось только расписаться. По всей вероятности, и лицевая, и обратная стороны бланка заполнялись Зубкиным одновременно.

Несмотря на то, что направления были адресованы директору крематория, акты (первоначально – расписки) о кремации подписывал не он, а сотрудники НКВД. Судя по подписям на этих актах (и на некоторых более ранних, касающихся Ваганьковского кладбища), в НКВД ответственным за захоронения, а затем кремации расстрелянных с начала 1930-х годов (возможно, и в конце 1920-х) был капитан, затем майор госбезопасности Г.В. Голов. Ближайшим его помощником, чья подпись также постоянно встречается на актах, был старший лейтенант, затем капитан госбезопасности А. Окунев.

В мае 1937 г. Голова арестовали, и после этого основной фигурой, ответственной теперь уже не только за исполнение приговоров, но и за захоронения/кремации, становится комендант НКВД Блохин – его подписи как под актами о расстрелах, так и под актами о захоронениях/кремациях мы видим непрерывно вплоть до 1953 г.¹⁰

⁹ Об Игнатьеве нам известно немного. В актах о приведении в исполнение приговоров Коллегии ОГПУ его подпись встречается среди подписей других исполнителей с 1929 г. Комендантом ВКВС он стал не позднее весны 1936 г. Его воинское звание в 1936–1937 гг. – капитан РККА. Именно ему в этот период были адресованы все предписания на расстрелы по приговорам ВКВС. Его же подпись (часто вместе с подписью коменданта НКВД В.М. Блохина) стоит и под актами о расстрелах. После 22 августа 1937 г. имя Игнатьева из расстрельной документации исчезает. Судя по более ранним источникам, по крайней мере до середины 1930-х годов ответственным за приведение в исполнение большинства расстрельных приговоров Верховного суда СССР и за захоронения жертв был комендант Верховного суда П. Кушин.

¹⁰ В.М. Блохин (1895–1955) – комендант (затем начальник комендантского отдела АХУ) ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ СССР в 1926–1953 гг.; с 1924 г. принимал участие, а затем руководил исполнением приговоров к расстрелу. В последний раз его подпись под расстрельными актами мы встретили 2 марта 1953 г. Через месяц после смерти Сталина Блохин был уволен со службы, а в конце 1954 г. лишен генеральского звания (генералом стал в 1945 г.) «как дискредитировавший себя за время работы в органах». В период, которому посвящена настоящая книга, основной костяк подчиненной Блохину «спец-

Начиная с 1938 г. такой вид документов, как направление на захоронение/кремацию, исчезает. По крайней мере в ЦА ФСБ нам они не встретились. О захоронениях или кремациях после 1937 г. мы можем судить только по соответствующим актам. Но сохранились эти документы в ЦА ФСБ далеко не за все годы. За 1938 г. в этом архиве их практически нет. После того как «большой террор» миновал свой пик и к руководству НКВД пришел Берия, на короткий период расстрельная документация была полностью упорядочена: в 1939–1940 гг. при каждом предписании на расстрел и акте о расстреле хранится и акт о захоронении или кремации. Теперь такой акт зачастую представляет собой отдельный машинописный лист, в который от руки вставлялось лишь несколько цифр: дата захоронения, кремации, число погребенных/кремированных тел.

За последующие семь лет в фонде № 7 встречаются и акты о кремации, и акты о погребении в землю, но во многих случаях вообще отсутствуют какие-либо документы о захоронениях/кремациях. Иногда актов о кремации единицы (1941, 1943), иногда они сохранились в большей степени (1942, 1945–1947), иногда их нет вовсе (1944). За 1948–1949 гг. документы о расстрелах отсутствуют – в это время смертная казнь была отменена. В 1950–1953 гг. почти все акты о расстрелах сопровождаются и актами о кремации. Это распределение документации в значительной степени предопределило состав нашей книги – в нее включены справки только о тех казненных, относительно которых имеется *документальное* подтверждение, что их тела были кремированы/направлены на кремацию.

Отметим кроме того, что ни в одном акте о погребении после апреля 1936 г. (последнее упоминание Ваганьковского кладбища) не указано, где именно это погребение произведено. Что касается кремаций, то можно быть уверенным: все они осуществлялись в Донском крематории, поскольку другого в Москве не было¹¹.

БОЛЬШИНСТВО ЛЮДЕЙ, СПРАВКИ О КОТОРЫХ помещены в нашей книге, расстреляны в 1937 г. За этот год в ЦА ФСБ хранятся акты о расстрелах 4235 человек, 891 из них, по нашему предположению, захоронены в «Коммунарке»¹². Тела остальных 3344 человек после расстрела направили на

группы» составляли его многолетний заместитель П.А. Яковлев, а также Д.Э. Семенихин, И.И. Антонов, А.Д. Дмитриев, Э.А. Мач, П.И. Магго, В.И. и И.И. Шигалевы, И.И. Фельдман. В некоторых документах они числятся как «сотрудники для особых поручений комендантского отдела». Насколько нам известно, никто из перечисленных не пострадал от репрессий сталинского времени, первые четверо к началу 1950-х были уже полковниками. Из тех, кто принимал участие в приведении приговоров в исполнение в более ранние годы, несколько человек были в 1937 г. расстреляны. Например П.П. Пакалн (бывший начальник охраны В.И. Ленина) и Ф.И. Сотников, чьи имена в нашей книге.

¹¹ По-видимому, в крематории также сжигались вещи расстрелянных, которые сотрудники НКВД забирали из тюрем после приведения приговоров в исполнение. Немногие известные нам акты о сжигании вещей относятся к 1937–1938 гг. Под ними стоят подписи тех же «сотрудников для особых поручений». Ни фамилий осужденных, ни перечисления вещей акты не содержат, указано лишь, из какой тюрьмы они взяты и на какой машине (обычно «полуторатонке») привезены.

¹² См. об этом в нашем послесловии к кн.: Расстрельные списки. Москва, 1937–1941: «Коммунарка», Бутово. М., 2000.

кремацию, но кремированы были 4053 из них, а 2291 захоронили в землю. И поскольку для родственников казненных вопрос этот не безразличен, постараемся его прояснить в той мере, в какой это позволяют сделать документы.

Все без исключения акты о расстрелах за январь–февраль 1937 г., хранящиеся в ЦА ФСБ, сопровождаются распоряжениями о направлении тел в Московский крематорий и актами о кремации с традиционной формулировкой: «[столько-то] трупов нами приняты и подвергнуты кремации». Однако 9 марта 1937 г. на обороте направления на кремацию впервые появляется акт, свидетельствующий о том, что тела расстрелянных не кремированы, а захоронены в землю: «Тридцать два трупа нами приняты и зарыты в двух ямах». Здесь необходимо пояснение о некоторых несовпадениях в датах. Помогает прояснить ситуацию то, что на некоторых актах о расстрелах указан и час. Расстрелы в 1937–1938 гг. по приговорам ВКВС обычно производились в день вынесения приговора. Начинались они вечером – в 9–10 часов. Если расстрел заканчивался до полуночи, то проставленная в акте дата приведения приговора в исполнение совпадала с датой приговора. Если же они захватывали час или два новых суток, то в акте ставилась дата следующего после приговора дня. По приговорам, вынесенным 8 марта, часть расстрелов была закончена к 23 часам 45 минутам, а другая часть – к 1 часу 30 минутам. В ночь на 9 марта тела всех расстрелянных были кремированы. Таким образом ясно, что все расстрелянные по приговорам ВКВС от 8 марта были кремированы, независимо от того, какая дата расстрела (8 или 9 марта) указана в справке, опубликованной в настоящем издании. Все приговоренные к расстрелу 9 марта, независимо от того, когда они были расстреляны – 9 или 10 марта, были погребены в землю. Следующее погребение в землю – это расстрелянные 10 марта 1937 г. по приговорам от того же дня. Затем после более чем двухмесячного перерыва мы вновь встречаем акт о захоронении в землю: 29 мая захоронены были 24 человека: 22 человека, расстрелянные по приговорам ВКВС от 28 мая, и два человека – по приговорам ВКВС от 27 мая (А.М. Трепалов и Ф.Л. Черкашин). Расстрелянные 29 мая по приговорам от того же дня были кремированы. С середины июня аналогичные акты встречаются регулярно. Были захоронены в землю расстрелянные 17, 20, 21 июня, 1, 2, 13, 14, 15, 16 июля, 1, 3, 4, 9, 10, 13, 14, 16, 19, 21, 22, 25 августа, 2, 3, 4, 9, 10, 15, 20, 21, 23, 26, 27, 28 сентября, 3, 7, 8, 9 октября, 5, 15, 16, 23, 26 (по приговорам ВКВС от 25) ноября, 1 декабря 1937 г. Кроме того были захоронены в землю расстрелянные 7 июня и 14 августа, но не все, а только те, кому приговор был вынесен Комиссией НКВД, Прокурора и председателя ВКВС. Дважды – 10 и 26 сентября – часть тел расстрелянных кремировали, часть – захоронили в землю. Установить, кто именно в эти две даты был кремирован, а кто захоронен в землю, невозможно: в нашем распоряжении только цифры, но не имена. Например, 10 сентября 1937 г. были расстреляны 83 человека. Тела 37 из них, приговоренных Комиссией НКВД и Прокурора, направили на кремацию, но, согласно акту на обороте направления, их не кремировали, а погребли в землю. Тела 46 человек, расстрелянных по приговорам ВКВС, также были направлены «для немедленной кремации», однако акт, подписанный Яковлевым и Окуневым, выглядит

следующим образом: «Сорок шесть (46) трупов нами приняты и 15 трупов сожжены, а остальные зарыты в яме». В нашем издании имена 44 человек из этих 46, но сказать точно, кто из них кремирован, а кто захоронен в землю, мы не можем. То же и с 26 сентября 1937 г. – из 55 тел расстрелянных 15 были кремированы, а 40 – «зарыты в яме».

Существуют вызывающие доверие свидетельства, что после кремации прах расстрелянных закапывали рядом с крематорием. Арестованный в 1941 г., П.И. Нестеренко, директор крематория с момента его открытия, на следствии утверждал: «...после сжигания пепел расстрелянных участников процессов мною лично закапывался в специально отведенном месте во дворе крематория». На уточняющий вопрос: «Кто кроме Вас из числа сотрудников крематория знал об этом специальном месте погребения пепла расстрелянных преступников?» он еще раз повторил: «Об этом кроме меня никто не знал и знать не мог, так как закапывание производил сейчас же после сжигания лично я один». Следователи мало интересовались служебной деятельностью Нестеренко (за исключением эпизода, когда по требованию Голова и Зубкина он после кремации выдал им ведро с прахом расстрелянных по делу «Объединенного троцкистско-зиновьевского центра»)¹³. Подробно о кремациях и захоронениях расстрелянных его не расспрашивали.

Очевидно, что в случаях, когда «закапывали в землю» тела, направленные на кремацию, захоронения производились в непосредственной близости от крематория – на Донском кладбище. В каких именно местах кладбища производились захоронения – на этот вопрос источники ответа не дают.

НЕТ В ИСТОЧНИКАХ И ОПРЕДЕЛЕННЫХ УКАЗАНИЙ на места, где приговоры приводились в исполнение. На этот счет мы имеем лишь случайную и разрозненную информацию. По многим данным, с первых лет советской власти и в течение длительного периода московские расстрелы производились в подвале дома, стоящего на углу Варсонофьевского переулка и Большой Лубянки. С большой долей уверенности можно говорить и о специально оборудованных помещениях в Бутырской тюрьме. Относительно расстрелов в Бутырках кроме устных преданий есть косвенные подтверждения и в документах. Например, известно, что в конце 1930-х годов и

¹³ Нестеренко Петр Иванович (1885–1942). Из дворян. В Гражданскую войну — полковник армии Деникина. Эмигрировал. В Париже заинтересовался техническими аспектами процесса кремации. По возвращении в СССР в 1926 г. занял должность директора крематория. Жил в отдельном домике на территории крематория. В 1941 г. арестован, обвинен в антисоветской деятельности, в 1942 г. по приговору ОСО при НКВД СССР расстрелян. Реабилитирован. Из его показаний, бегло касающихся и кремирования расстрелянных, видно, что по этой работе (за которую Нестеренко получал дополнительное вознаграждение – 200 рублей в месяц) он был близко связан с несколькими сотрудниками НКВД, прежде всего с Головым и Окуневым. Из других чекистов, присутствовавших при кремациях расстрелянных, он назвал Зубкина и секретаря НКВД П.П. Буланова. Все они, за исключением Окунева, в 1937–1939 гг. были расстреляны, все на сегодняшний день реабилитированы. История с выдачей праха Зиновьева и Каменева, по-видимому, правдива. Существует несколько свидетельств об особенном интересе Сталина к обстоятельствам их расстрела. Известно также, что при аресте Ежова из его письменного стола был изъят пакет с пулями, завернутыми в отдельные бумажки с надписями: «Зиновьев», «Каменев», «Смирнов».

позднее многих осужденных переводили в день расстрела из Лефортовской или какой-либо другой тюрьмы в Бутырки. Указания на это встречаются в некоторых делах расстрелянных, это видно также из «актов удостоверения личности», подписанных прокурорами. За отдельные периоды такие акты почти (или вовсе) не сохранились (например, за 1937–1938 гг.), за некоторые годы их довольно много. Это небольшой лист, как правило, без грифа и какой-либо печати, обычно содержащий машинописную заготовку: «Личность осужденного [далее от руки фамилия, имя, отчество и иногда год рождения], предъявленного мне в [далее от руки название тюрьмы] как сходную по фотографии [последнее не во всех актах] и автобиографическим данным приговора, удостоверяю». Далее подпись прокурора и дата. Этот же прокурор, присутствовавший и при расстреле, подписывал затем акт о приведении приговора в исполнение¹⁴. Мы полагаем, что и «удостоверение», и расстрел происходили в одном месте (или в местах, близко расположенных друг от друга). Судя по документам, процедура «удостоверения» в большинстве случаев проходила в Бутырской тюрьме.

Есть и другие подтверждения нашему предположению. Например, 6 июня 1937 г. расстреляли 33 человека по «делу Дмитлага». Предписание на расстрел было подписано заместителем наркома Фриновским и адресовано начальнику учетно-статистического отдела В.Е.Цесарскому. Последний отдал распоряжение своему заместителю Зубкину: девять человек, осужденных по этому делу и содержащихся в Лефортовской тюрьме, перевести в Бутырки, проследить за доставкой в Бутырки из Дмитлага остальных осужденных, обеспечить их фотографирование («с тем, чтобы не позже 19–20 час. были готовы все карточки»), а также позвонить Блохину и вызвать его к Цесарскому к 17 часам. Очевидно, что все это была подготовка к расстрелу, и указание на Бутырки здесь не выглядит случайным. Кроме того, в годы войны приговоренных трибуналами на территории Московской области в Бутырки свозили всех; известны казни в Бутырках в первые послевоенные годы: именно в эту тюрьму этапировали из Берлина приговоренных к расстрелу немцев в 1950–1953 гг. Число примеров можно множить.

Не исключено, что в некоторые годы расстрелы время от времени производились и в Лефортовской тюрьме или вблизи нее. Военный прокурор Афанасьев (по должности присутствовавший 6 февраля 1940 г. при расстреле Ежова) вспоминал: «Ежов приказал построить не только специзолятор в Лефортовской тюрьме, но и особое помещение для расстрела (где оно было, указывать не буду). Это было старое приземистое здание в глубине двора с толстыми стенами. Внутри – первая комната, что-то вроде «приемной».

¹⁴ Присутствие прокуроров при расстрелах было предусмотрено уже в цитированном выше циркуляре Верховного трибунала от 14 октября 1922 г. Из прокуроров эпохи «большого террора» при расстрелах присутствовали Н.С. Розовский, И.Ф. Прусс, Г.К. Рогинский. Все трое были репрессированы, расстреляли только Прусса – его имя в настоящем издании. Подпись А.Я. Вышинского под известными нам актами о расстрелах встречается лишь несколько раз. Под актами 1939–1953 гг. встречаются подписи Прокуроров СССР – М.И. Панкратьева, В.М. Бочкова, но чаще военных прокуроров – Н.П. Афанасьева, Д.И. Китаева, И.И. Бударгина, П.А. Кульчицкого, А.Ф. Отришко.

Там мне пришлось еще раз встретить Ежова, чтобы *удостовериться*, что это именно он, а не кто-то другой (курсив наш. – Авт.). И вторая комната <...> Именно здесь, где были расстреляны Ежовым сотни людей, нашел смерть и он сам»¹⁵. Акт «удостоверения», о котором говорит Афанасьев, сохранился – судя по нему, «удостоверение» личности бывшего наркома было проведено в той же тюрьме, в которой он содержался, – в Лефортовской. Возможно, следовательно, что и помещение для расстрелов находилось на территории этой тюрьмы. Не исключены, конечно, и другие интерпретации. Отметим все же, что Лефортовская тюрьма в качестве места удостоверения прокурором личности приговоренного перед расстрелом фигурирует в целом ряде актов, в основном в 1939–1940 гг., но иногда и в более поздние годы.

По-видимому, расстрелы в 1937–1938 гг. производились и на «Бутовском полигоне», не исключено, что и в «Коммунарке». Были в Москве и другие места, где производились расстрелы. В декабре 1934 г. помещение для приведения в исполнение приговоров к высшей мере наказания было открыто Верховным судом СССР в здании Мосгорсуда на Каланчевской улице. Первоначально помещение и специальный автотранспорт предоставлялись по письменным требованиям председателей Верховных судов СССР и РСФСР, председателей и членов коллегий Верховного суда СССР, председателей Мосгорсуда и Мособлсуда, но не позднее 1937 г. список судов, имеющих право обращаться в Верховный суд с просьбой о приведении приговоров в исполнение, был расширен. Как долго и сколь часто пользовались этим помещением, мы не знаем¹⁶.

Широко распространена версия, базирующаяся на ряде устных (частично и зафиксированных в опубликованных мемуарах) свидетельствах, о расстрелах во второй половине 1930-х годов сразу же после приговора Военной коллегии прямо в подвале того здания, которое занимала ВКВС на улице 25-го Октября (Никольской). Полагаем, что если такое и бывало, то лишь в единичных случаях. Насколько нам известно, даже в 1937–1938 гг. после вынесения приговора осужденного обычно возвращали в тюрьму (иногда в ту, откуда его доставили в ВКВС, иногда – в другую). Это подтверждается тем, что по окончании заседания Ульрих подписывал два документа (в нумерации исходящих бумаг Военной коллегии они обычно идут один за другим): предписание коменданту (ВКВС или НКВД) привести приговор в исполнение и указание в Тюремный отдел НКВД о «выдаче» заключенных коменданту. На основании второго документа начальник Тюремного отдела отдавал соответствующие приказания начальникам тюрем. Вряд ли

¹⁵ Афанасьев Н.П. Когда расстреливали прокуроров // Ушаков С.Ю., Стукалов А.А. Фронт военных прокуроров. М., 2000. С. 75.

¹⁶ Согласно указанию председателя Верховного суда СССР А.Н. Винокурова от 16 декабря 1934 г. «доставка в помещение приговоренных, конвоирование их и приведение приговора в исполнение производится с соблюдением действующих правил той судебной организации, которая вынесла приговор. По исполнении приговора исполнитель той же судебной организации производит дальнейшие операции вплоть до вывозки (на предоставленной Верховным судом СССР автомашине) и сдачи тела в крематорий» (ГАРФ. Ф. 9474. Оп.16с. Д. 58. Л. 1–1об.).

подобные распоряжения понадобились бы, если заключенные в это время находились в здании ВКВС. К тому же надо помнить, что в эпоху «большого террора», когда осуждения были особенно массовыми, ВКВС многие заседания проводила прямо в тюрьмах.

У ЧИТАТЕЛЯ, НЕСОМНЕННО, ВОЗНИКНУТ ВОПРОСЫ относительно *органов, выносивших приговоры к расстрелу*. Поэтому мы считаем необходимым сделать на этот счет ряд пояснений.

Хорошо известно, что в пик террора подавляющее большинство приговоров к расстрелу выносили тройки УНКВД и Комиссия НКВД и Прокурора («двойка»). Оба эти внесудебных органа были созданы специально для вынесения приговоров по так называемым массовым операциям, которые по решениям Политбюро проводились НКВД в августе 1937 г. – ноябре 1938 г. Арестами и следствием по массовым операциям занимались территориальные (областные, краевые, республиканские) управления НКВД, а также дорожно-транспортные отделы (ДТО) ГУГБ НКВД.

Тройки были образованы при каждом УНКВД для осуждения арестованных по «кулацкой операции». Персональный состав троек определялся Политбюро: возглавлял тройку всегда начальник УНКВД, кроме него в нее обычно входили местный партийный руководитель и прокурор. Тройки действовали в соответствии со спущенными из центра «лимитами»: и к расстрелу, и к заключению в лагерь разрешалось приговорить строго определенное число людей. Решение тройки было окончательным.

Комиссия НКВД и Прокурора действовала в Москве и выносила окончательные приговоры арестованным по «национальным линиям» – польской, латышской, эстонской и др. Основой для приговора служили материалы, представленные из регионов. Это были стандартным образом оформленные списки («альбомы») за подписями начальника УНКВД (или ДТО) и местного прокурора, содержавшие краткие данные об обвиняемых и предложения о мере наказания – расстрел или заключение в ИТЛ на 8–10 лет. После того как Ежов и Вышинский (или их заместители) подписывали «альбомы» (т.е. выносили окончательный приговор), их возвращали на места для исполнения.

Всего по СССР тройками и Комиссией НКВД и Прокурора в 1937–1938 гг. были осуждены около 1,2 миллиона человек, из них около 700 тысяч расстреляны.

В нашей книге осужденных этими внесудебными органами сравнительно немного. Связано это с разделением функций между двумя органами НКВД СССР, функционировавшими в Москве, – Московским УНКВД и Центральным аппаратом НКВД.

Проведение массовых операций на территории Москвы и Московской области в основном было возложено на Московское УНКВД. По решениям тройки при УНКВД в 1937–1938 гг. были осуждены не менее 45 тысяч человек, из них более 15 тысяч – расстреляны. Комиссия НКВД и Прокурора по представленным из Московского УНКВД «альбомам» осудила более 7 тысяч человек, из них к расстрелу – около 5 тысяч. Исполнением приговоров занимались несколько сотрудников Московского УНКВД под руководством заместителя начальника Московского УНКВД по милиции М.И. Семенова,

позже под руководством начальника учетно-регистрационного отдела того же УНКВД П.И. Овчинникова. Как уже говорилось, все расстрелянные похоронены на «спецобъекте» в Бутово.

Центральный аппарат НКВД (а большинство тех, о ком представлены справки в нашей книге, проходили по делам именно Центрального аппарата) напрямую почти не занимался ни «кулацкой операцией», ни операциями по «национальным линиям», осуществляя по этим направлениям репрессий лишь общее руководство и контроль над своими местными органами. Тройка при Центральном аппарате не создавалась. Иногда (очень редко) отдельные дела пересылались для вынесения приговора на тройку при Московском УНКВД. Что касается «национальных операций», то, похоже, было несколько случаев, когда отделами Центрального аппарата формировались «альбомы», которые передавались затем на рассмотрение Комиссии НКВД и Прокурора. В нашей книге более 300 человек, расстрелянных на основании решений этой комиссии.

Немалую часть из них составляют люди, так или иначе связанные с железнодорожным транспортом. Это не случайно. «Очистка транспорта» была одним из приоритетов «национальных операций», в особенности польской и харбинской «линий». Осуществляли эту «очистку» ДТО НКВД, действующие при каждой дороге. Поскольку управления целого ряда железных дорог были в Москве, то здесь же находились и ДТО, «обслуживавшие» их. В случаях, если управления железных дорог, проходивших через Москву, находились в других городах, в Москве или Подмоскowie дислоцировались отделения ДТО (ОДТО) по этим дорогам. Арестованные по делам таких ДТО и ОДТО зачастую содержались в московских тюрьмах, здесь проводилось следствие над ними, здесь же исполнялся приговор к расстрелу. Если человек, чье дело вели ДТО или ОДТО, был осужден по «кулацкой операции» (а это значило, что приговор ему был вынесен тройкой при УНКВД), то исполнением приговора занималось Московское УНКВД, если же человека осуждала к расстрелу по одной из «национальных линий» Комиссия НКВД и Прокурора, то приговор исполняла «спецгруппа» Центрального аппарата. Для последнего было формальное основание: все ДТО подчинялись не местным управлениям НКВД, а напрямую ГУГБ НКВД СССР.

Приговоренные внесудебными органами, чьи имена содержатся в нашем издании, могли оказаться в ведении Центрального аппарата и по другим причинам. К примеру, П.Д. Ковалева, приговоренного к расстрелу тройкой по Западной области 11 августа 1937 г., везли из Севского райотдела НКВД в Брянскую тюрьму, видимо, для исполнения приговора, но в Москве конвой снял его с этапа по болезни. Через месяц УНКВД по Западной области установило, что он находится в тюремной больнице в Бутырках, и обратилось с просьбой в Центральный аппарат НКВД (в учетно-статистический отдел) немедленно привести приговор в исполнение. 26 сентября 1937 г. Ковалева расстреляли в Москве. Есть случаи, когда людей, уже приговоренных к расстрелу местной тройкой или Комиссией НКВД и Прокурора, доставляли из какого-либо региона в Москву для дачи показаний по делам, которые вели отделы Центрального аппарата. «По миновании надобности» их уже не этапировали назад, а расстреливали в Москве.

В книге фигурирует еще один, до сих пор не описанный в литературе о репрессиях внесудебный осуждающий орган эпохи «большого террора»: Комиссия НКВД СССР, Прокурора СССР и председателя ВКВС СССР. Ни в архивах ФСБ РФ, ни в основных партийных архивах мы не обнаружили никаких документов о создании и полномочиях этого органа. Можно предположить, что эта Комиссия была создана весной 1937 г., после февральско-мартовского Пленума ЦК, для предварительного просмотра списков на осуждение Военной коллегией (об этом см. ниже). Видимо, первоначально не предполагалось, что она будет иметь право окончательного вынесения приговоров. Однако, судя по документам, несколько раз она собиралась именно с этой целью. Все известные нам судебные эпизоды деятельности Комиссии связаны с рассмотрением так называемого дела Дмитлага. Весной–летом 1937 г. было арестовано значительное число заключенных, а также вольнонаемных сотрудников Дмитровского ИТЛ. Обвинялись они в создании в лагере контрреволюционной организации и подготовке террористического акта против Сталина и Ежова в день торжественного открытия канала «Москва–Волга». Среди арестованных были и политические заключенные, и заключенные–уголовники, и люди, недавно освободившиеся и оставшиеся работать в лагере (в том числе, например, выдающийся театральный режиссер И.Г. Терентьев), и представители лагерной администрации. Руководителем заговора был объявлен начальник лагеря С.Г. Фирин. На шести заседаниях (5 и 16 июня, 7 июля, 19 августа, 13 сентября и 4 ноября 1937 г.) Комиссия рассмотрела дела на 218 обвиняемых и всех приговорила к расстрелу. Лично Ежов в этих заседаниях участия не принимал, но председательствовали в Комиссии представители НКВД: первый заместитель наркома Фриновский (три раза), заместитель наркома Л.Н. Бельский (два раза) и начальник учетно-статистического отдела ГУГБ НКВД Цесарский. Прокурор СССР А.Я. Вышинский участвовал лишь в первом заседании, затем Прокуратура была представлена заместителем Вышинского Г.К. Рогинским. Председатель ВКВС Ульрих присутствовал на всех заседаниях. Обвиняемые на заседания не вызывались, осуждение производилось, по всей вероятности, по коротким справкам, составленным следователями, без обращения к следственным делам. Решение Комиссии было окончательным, приговоры приводились в исполнение в день заседания или на следующий день. Характерно, что предписания на расстрелы подписывал не председатель ВКВС Ульрих, а участвовавший в заседании представитель НКВД. Таким образом. Комиссия, во многом напоминая тройки при УНКВД, начавшие действовать в августе 1937 г., отличается от них лишь одной, правда существенной, компонентой: представители судебных органов в тройки при УНКВД не входили. Все 218 человек, осужденные Комиссией НКВД, Прокурора и председателя ВКВС, реабилитированы (как и расстрелянный по приговору ВКВС С.Г. Фирин), имена всех – в нашей книге.

Большинство приговоров к расстрелу тем людям, справки о которых включены в нашу книгу, вынесены ВКВС СССР. В особенности это касается предвоенного периода. От имени ВКВС выносились приговоры и на так называемых больших московских процессах (в нашей книге имена рас-

стрелянных по первым двум из них: 25 августа 1936 г. – процесс Зиновьева, Каменева и других и 1 февраля 1937 г. – процесс Пятакова и других), и на сотнях закрытых заседаний в Москве и выездных сессий во многих регионах Союза. Большинство из приговоренных ВКВС к расстрелу в 1936–1938 гг. – представители партийной, советской, военной элиты¹⁷.

Если верить отчетным документам, Военной коллегией и ее выездными сессиями с 1 октября 1936 г. (т.е. с момента прихода к руководству НКВД Ежова) до 1 ноября 1938 г. по всему СССР были осуждены 39 475 человек, из них 33 189 (84 %) – к расстрелу, остальные – к тюремному заключению. Из этого числа по делам, следствие по которым провели отделы Центрального аппарата НКВД и Московского УНКВД, были осуждены 7590 человек, из них 6782 (89,35 %) – к расстрелу. Однако в реальности ВКВС в Москве осудила большее число людей. Время от времени она рассматривала дела, следствие по которым было проведено в других регионах страны. В таких случаях обвиняемых доставляли в Москву. Здесь же после вынесения приговора их и расстреливали. По нашим данным, основывающимся на изучении актов о приведении приговоров в исполнение, за названный период в Москве по приговорам ВКВС были расстреляны не 6782 человека, а 7408. Это значит, что более 600 человек за это время были специально привезены в Москву для получения приговора ВКВС и затем расстрела¹⁸.

ТЕПЕРЬ УЖЕ МОЖНО СЧИТАТЬ УСТАНОВЛЕННЫМ, что в реальности приговоры, выносимые ВКВС, были заранее predeterminedены высшим партийным руководством страны.

Жесткий партийный контроль над приговорами судебных органов по политическим делам осуществлялся с первых лет советской власти. На протяжении многих десятилетий Политбюро систематически рассматривало и предопределяло решения по всем важнейшим судебным процессам. Но, кроме этого, с 1924 г. и до 1947 г. существовала специальная (конечно же, секретная) Комиссия Политбюро по судебным (политическим) делам. В период, которого касается настоящее издание, председателем ее был М.И. Калинин (затем Н.М. Шверник), в качестве членов в заседаниях участвовали секретарь партколлегии (затем заместитель председателя) Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) М.Ф. Шкирятов, нарком внутренних дел или его заместители. Прокурор СССР. Комиссия рассматривала все приговоры к расстрелу, вынесенные по политическим делам всеми судебными органами СССР, и утверждала (или не утверждала) их. Протоколы Комиссии

¹⁷ Исключение – приговор по «делу Тухачевского». Он был вынесен 11 июня 1937 г. от имени не ВКВС, а созданного по инициативе Сталина Специального судебного присутствия Верховного суда СССР. Впрочем, председательствующим на процессе Сталин определил председателя ВКВС Ульриха. Имена всех восьми человек, расстрелянных по «делу Тухачевского», также включены в настоящее издание.

¹⁸ Особенно много арестованных доставляли для осуждения в Москву до осени 1937 г., когда выездные сессии ВКВС действовали еще не с такой интенсивностью, как в последние месяцы. Так, например, в марте 1937 г. были привезены 89 человек из Киева, Харькова, Одессы. В том же месяце почти все они были расстреляны по приговорам ВКВС.

в обязательном порядке утверждались на Политбюро, а затем передавались в Верховный суд СССР или в ЦИК (Верховный Совет) СССР для дальнейшего оформления (в виде решений кассационных инстанций или решений высших представительных органов в связи с ходатайствами о помиловании).

Приговоры внесудебных органов (Коллегии ОГПУ, троек 1920-х, 1930–1934, 1937–1938 гг., Комиссии НКВД и Прокурора 1937–1938 гг., Особого совещания при НКВД 1942–1945 гг.) Комиссия Политбюро по судебным делам не рассматривала. Для настоящего издания особенно важно другое изъятие из компетенции Комиссии: на нее не поступали и приговоры, вынесенные по делам, рассматривавшимся судебными органами «в порядке Закона от 1 декабря 1934 года». Согласно этому Закону (Постановлению ЦИК и СНК СССР, принятому в день убийства Кирова) дела по определенному составу обвинений могли рассматриваться в судебных заседаниях без участия сторон и без вызова свидетелей, вынесенный приговор был окончательным, т.е. не подлежал никакой форме обжалования (в том числе исключались и прошения о помиловании), приводить приговор в исполнение следовало немедленно.

Первоначально (конец 1934 г. – начало 1937 г.) на каждое применение «упрощенного порядка судопроизводства» давалась официальная санкция Политбюро. Но с февраля 1937 г. и до ноября 1938 г. контроль над приговорами ВКВС обретает иной характер, – приговоры утверждаются предварительно лично Сталиным и группой его ближайших соратников. Процедура утверждения была сугубо келейной, никаких формальных решений Политбюро относительно этих приговоров не принимало¹⁹. При этом само собой подразумевалось, что все дела рассматриваются ВКВС в «упрощенном порядке».

Списки лиц, дела которых после завершения следствия должны были направляться на Военную коллегию, формировались в учетно-статистическом отделе ГУГБ НКВД по материалам, пересланным из региональных УНКВД и отделов НКВД СССР. После первоначального оформления списки, состоящие из стандартных справок (установочные данные, краткое изложение сути обвинения, указание, признался подследственный или нет), рассматривались специальной комиссией. По-видимому, по составу это была та самая комиссия, которая в июне-ноябре 1937 г. осуждала «дмитлаговцев», т.е. состоящая из представителей НКВД, Прокуратуры и ВКВС. Известно, что на Комиссии председательствовали заместители наркома внутренних дел (как правило, Фриновский, в кабинете которого комиссия обычно заседала), иногда руководители оперативных отделов ГУГБ НКВД, часто – начальник учетно-статистического отдела (Цесарский, затем сменивший

¹⁹ Комиссия Политбюро в 1937–1938 гг. продолжала работу, рассматривая все остальные судебные приговоры к расстрелу. Деятельность ее стала еще более закрытой. Ранее кроме членов Комиссии в заседаниях нередко участвовали и руководители Верховных судов СССР (председатель суда, председатели коллегий) и РСФСР (председатель суда), представители ЦИК и ВЦИК. 4 марта 1937 г. по инициативе Молотова Политбюро постановило «предложить т. Калинину на заседания Комиссии ПБ по судебным делам никого, кроме членов Комиссии, не допускать».

его на должности И.И.Шапира). Итогом рассмотрения было предложение о мере наказания: расстрел (1-я категория) или заключение на 10, иногда на 8 лет (2-я и 3-я категории). Затем списки оформлялись окончательно в виде простых машинописных перечней имен, разделенных по предлагаемым категориям осуждения, без каких бы то ни было дополнительных данных о человеке (за исключением иностранных граждан). Несколько отдельных (по органу, проводившему следствие) списков объединялись под общей обложкой, озаглавленной «Список лиц, подлежащих суду Военной коллегии Верховного суда СССР».

После этого списки передавались на утверждение Сталину, который их визирует (подпись, иногда с короткой резолюцией «За»). Иногда первую визу ставил Молотов. Всего таких списков известно 383. Подпись Сталина стоит на 357 из них, Молотова на 372, Кагановича на 188, Ворошилова на 185, Жданова на 176, Ежова (видимо, здесь он выступал не как нарком внутренних дел, а как секретарь ЦК) на восьми, Микояна также на восьми, С. Косиора – на пяти. Визы бывали и более развернутыми: «Приветствую! Каганович!» или «За расстрел всех 138 человек. Сталин».

Иногда в списки вносились исправления – перевод из одной категории осуждения в другую или даже вычеркивание отдельных имен. Иногда рядом с фамилией ставилась уточняющая пометка, касающаяся меры наказания («25 лет», «10 лет», «ВМН») или объясняющая какое-то решение («подождать пока», «отложить» и т.д.).

Завизированные списки возвращались в НКВД, откуда после окончательной («чистой») перепечатки передавались в Военную коллегию для исполнения²⁰.

Здесь возникает вопрос: а можно ли в таком случае всерьез считать ВКВС эпохи 1937–1938 гг. «судебным органом»? Конечно, само по себе рассмотрение дела «в порядке Закона от 1 декабря 1934 г.» уже не дает возможности говорить о сколько-нибудь правовом характере процесса. Но, с другой стороны, «упрощенный порядок судопроизводства», хотя и противоречил Конституции, был санкционирован высшим законодательным органом – ЦИК СССР.

²⁰ О существовании списков стало известно из доклада Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС. Впервые они опубликованы Архивом Президента РФ и Обществом «Мемориал» в 2002 г. (См.: Сталинские расстрельные списки. Сд-диск. М., 2002). Приводимые нами данные о числе подписей на списках несколько расходятся с информацией из ведомственных и партийных документов 1950-х–1980-х годов. (См., напр.: Реабилитация: как это было. Т. 2. М., 2003. С. 592; Т.3. М., 2004. С. 144). Пересчет в процессе подготовки списков к печати был произведен сотрудником «Мемориала» В.А. Крахотиним. Им же уточнено общее число упомянутых в списках людей – 43 768 человек. Это примерно на 10 % выше общего числа осужденных ВКВС за 1937–1938 гг. Часть людей, упомянутых в списках, были осуждены не ВКВС, а другими органами. Это произошло, во-первых, из-за того, что выездные сессии ВКВС в ходе «большого террора» не смогли посетить все регионы, списки на осуждение из которых были утверждены в Москве, а во-вторых – из-за общего сбоя процедуры осуждений «по спискам» осенью 1938 г., когда масштабы террора резко уменьшились. Поэтому дела целого ряда людей из числа упомянутых в списках, но не осужденных ВКВС, региональные УНКВД были вынуждены передавать для рассмотрения в местные трибуналы и суды. В результате некоторые из тех, кто был обречен списками к расстрелу, были осуждены к ИТЛ, а кое-кто в 1939 г. даже вышел на свободу.

К тому же требуемые процедуры соблюдались: оформлялся протокол подготовительного заседания, велся протокол судебного заседания, на которое вызывался обвиняемый, обвиняемому задавались вопросы, ответы на них фиксировались в протоколе. Безусловно, эти 15–20-минутные заседания были фарсом. К тому же очень многие обстоятельства заставляют усомниться, что в конце заседания обвиняемому зачитывали приговор, тем более приговор к расстрелу. Сейчас, после публикации «сталинских списков», сличения их со списками расстрелянных по решению Военной коллегии, можно твердо говорить о том, что predetermined был практически *каждый* приговор ВКВС, что *все* расстрелянные в 1937–1938 гг. формально по приговорам ВКВС фактически были приговорены лично Сталиным и его ближайшим окружением, ВКВС же была по сути лишь техническим оформителем заранее вынесенного внесудебного приговора. Получается, что у Военной коллегии в 1937–1938 гг. было меньше самостоятельности, чем даже у любой тройки УНКВД. Тройка, осуществлявшая осуждение по лимитам, могла по своей прихоти отнести обвиняемого к 1-й или 2-й категории, – у высшего судебного органа страны такого выбора не было. Таким образом, применительно к эпохе «большого террора» (а во многих случаях – и в более ранние и более поздние периоды) правильно было бы говорить о Военной коллегии Верховного суда СССР не как о судебном, а как о «квазисудебном» органе²¹.

БЫЛА ЕЩЕ ОДНА СРАВНИТЕЛЬНО НЕБОЛЬШАЯ КАТЕГОРИЯ людей, которых расстреляли по «сталинским спискам», но приговор которым, насколько нам известно, даже не оформлялся ВКВС. Как правило, их следственные дела (с несколькими нам удалось ознакомиться) заканчиваются обвинительным заключением, где говорится, что дело направляется на Военную коллегию, но это заключение не завизировано прокурором, в деле нет ни протокола ВКВС, ни приговора, зато есть справка, подшитая в 1939 г., с датой расстрела и указанием, что человек был расстрелян «в особом порядке». Предписания на расстрел хотя и оформлены на бланках ВКВС, но (в отличие от всех других) написаны от руки самим Ульрихом (за исключением двух предписаний, напечатанных на машинке, – согласно имеющейся на них помете, в единственном экземпляре)²².

подавляющее большинство этих людей в прошлом или на момент ареста были связаны по службе с системой ОГПУ–НКВД, но есть и родственники сотрудников НКВД, а также те немногие, чья принадлежность к органам безопасности для нас неочевидна.

²¹ Бессменным председателем ВКВС в 1926–1948 гг. был В.В. Ульрих. В качестве судей или председательствующих в заседаниях ВКВС в Москве принимали участие И.О. Матулевич, И.Т. Никитченко, И.Т. Голяков, А.Д. Горячев, Я.Л. Дмитриев, И.М. Зарянов, А.М. Орлов, Я.Я. Рутман, Н.М. Рынков, Г.А. Алексеев, П.А. Камерон, И.В. Детистов, Л.Д. Дмитриев, Д.Я. Кандыбин, М.Г. Романычев, А.Г. Суслин, Ф.А. Климин, В.В. Буканов, Б.И. Иевлев, С.А. Ждан, С.В. Преображенцев, А.А. Чепцов (сменивший Ульриха на должности председателя ВКВС), В.В. Сюльдин и другие. Перечисляем здесь эти имена по единственной причине: именно они стоят под приговорами к расстрелу многим из тех людей, справки о ком представлены в настоящем издании.

²² Фототипическое воспроизведение одного из таких актов см. в кн.: Полянский А.И. Ежов : История «железного наркома». М., 2003. Между с.192 и 193.

Списки с именами этих людей подавались Сталину отдельно от остальных и были озаглавлены просто «Список» или «Список лиц». Первый такой список Сталин подписал 16 июня 1937 г., последний – 10 июня 1938 г. После сталинской подписи людей, перечисленных в таком списке, не направляли на ВКВС, – их просто расстреливали. Всего в Москве «в особом порядке» расстреляли не менее 250 человек. Тела 107 из них в 1937 г. были кремированы. Остальные, по нашему предположению, похоронены в «Коммунарке». В 1950-е годы многие из осужденных «в особом порядке» были реабилитированы. При этом возникла путаница как в реабилитационных документах, так и в ответах на запросы родственников. В качестве осуждающего органа у одних была названа ВКВС, у других – Комиссия НКВД и Прокурора, у третьих – Особое совещание при НКВД, наконец, у четвертых – Комиссия НКВД, Прокурора и председателя ВКВС. Последнее, по-видимому, ближе всего к истине, так как эта комиссия во всяком случае участвовала в подготовке списков для Сталина²³. Мы же в настоящем издании решили сохранить термин, зафиксированный во многих следственных делах. В нашей книге 82 человека, расстрелянных «в особом порядке». Надо иметь в виду, что расстрелы «в особом порядке» производились и на Украине, и на Дальнем Востоке, и в других регионах СССР.

29 СЕНТЯБРЯ 1938 г. СТАЛИН И МОЛОТОВ утвердили последние списки – на расстрел 166 человек, проходивших по делам Центрального аппарата и Московского УНКВД. 3 и 4 октября 1938 г. ВКВС оформила приговоры на 157 из них. Затем четыре с половиной месяца – с 5 октября 1938 г. по 19 февраля 1939 г. – расстрелов по приговорам ВКВС в Москве практически не было. По-видимому, пауза объясняется возникшей неясностью, продолжится ли осуждение «по спискам» или ВКВС должна возвращаться к процедурам, существовавшим до весны 1937 г.

Судя по сохранившимся документам, после 1938 г. практика осуждений «по спискам» постепенно стала исчезать, при этом процедура принятия решения несколько изменилась. В случаях, когда предполагалось осуждение ВКВС «в упрощенном порядке», на имя Сталина подавалась записка от НКВД и Прокуратуры (иногда только от НКВД) с соответствующим ходатайством. К записке прилагались и списки подлежащих осуждению с разбивкой по предлагаемым мерам наказания. Затем Сталин передавал эти материалы на Политбюро, которое и выносило формальное постановление. Мы не можем с уверенностью утверждать, что нам известны все случаи осуждений «по спискам». К сожалению, мы не смогли разыскать все списки, о существовании которых нам доподлинно известно, но отсутствующие списки в значительной степени можно реконструировать по расстрельным актам.

²³ См. в Записке «Комиссии Шверника» от февраля 1963 г.: «Решения о расстреле значившихся в списках бывших сотрудников НКВД, некоторых военных работников и государственных деятелей оформлялись не в суде, а в так называемом «особом порядке» — комиссией в составе Вышинского или его заместителя Рогинского, Ульриха и Ежова или его заместителя Фриновского» (Реабилитация: как это было. Т. 2. С. 592).

16 февраля 1939 г. Политбюро по совместной записке Берии и Вышинского дает санкцию на рассмотрение Военной коллегией дел 469 «активных врагов партии и Советской власти». Список этих людей нами не обнаружен, однако сохранился отчет Ульриха Сталину от 16 марта 1939 г. о состоявшихся судах: 413 человек приговорены к расстрелу, и приговоры уже приведены в исполнение. И действительно, из предписаний и актов о расстрелах между 20 февраля и 15 марта 1939 г. видно, что за этот период были расстреляны по предписаниям ВКВС именно 413 человек. Имена большинства людей из утраченного списка от 16 февраля, таким образом, становятся известны.

8 апреля 1939 г. Политбюро, опять-таки по записке Берии и Вышинского, дало санкцию ВКВС на расстрел 198 человек и осуждение в лагерь 733 человек – «участников правотроцкистской заговорщической организации». Список, как и в предыдущем случае, в материалах Политбюро отсутствует. Однако, судя по расстрельным актам, сразу же после решения Политбюро – с 14 по 19 апреля – Военной коллегией были приговорены и расстреляны 169 человек. Таким образом, восстанавливается значительная часть и этого списка.

17 января 1940 г. по записке Берии Политбюро дало разрешение ВКВС на осуждение «в порядке Закона от 1 декабря 1934 г.» 457 человек, в том числе 346 – к расстрелу. В этом случае список, утвержденный Политбюро, сохранился. Сопоставив его с предписаниями и актами на расстрелы, видим, что в конце января – феврале 1940 г. две трети из перечисленных в нем людей были приговорены и расстреляны (среди них И.Э. Бабель, В.Э. Мейерхольд, М.Е. Кольцов). Надо отметить, что в этот период ВКВС уже обладала определенной долей самостоятельности: время от времени некоторые дела отправлялись на доследование, иногда менялась мера наказания, зачастую мера наказания согласовывалась Ульрихом или Берией со Сталиным.

После 17 января 1940 г. и вплоть до начала войны, насколько нам известно, ходатайства о предварительном утверждении списков на осуждение Военной коллегией не получали поддержки Сталина. Так, например, 6 сентября 1940 г. Берия запросил санкцию на передачу в ВКВС для рассмотрения «в порядке Закона от 1 декабря 1934 г.» дел на 537 человек, из них 472 человека предполагалось расстрелять, остальных осудить к заключению на срок не ниже 15 лет. Прилагавшийся список сохранился. На записке мы видим помету Сталина – «от тов. Берия», но решения Политбюро по этой записке нет. Изучение расстрельных актов также подтверждает предположение, что санкцию на немедленное осуждение такого значительного числа людей Сталин в этом случае Берии не дал – никакого резкого увеличения масштабов расстрелов мы осенью 1940 г. не наблюдаем, к тому же из всех включенных в список от 6 сентября 1940 г. до середины 1941 г. расстреляны были менее десяти человек. По-видимому, точно также был отклонен и список на осуждение 513 человек (из них 466 к расстрелу), представленный 30 апреля 1941 г. наркомом госбезопасности СССР В.Н. Меркуловым. Очевидно, Сталин полагал, что нужда в таких чрезвычайных мерах, как осуждение «по спискам», отпала и следует восстановить порядок, существовавший

до 1937 г., когда приговоры, вынесенные ВКВС, проходили затем процедуру утверждения Комиссией Политбюро по судебным делам. И действительно, начиная с 1939 г. эта Комиссия, после двухлетнего перерыва, вновь стала рассматривать приговоры ВКВС (конечно, кроме тех, что были предопределены заранее утвержденными Политбюро списками)²⁴.

27 июня 1941 г. Берия и Меркулов обратились к Сталину с запиской, где просили санкцию на расстрел 1302 заключенных, в том числе 775 человек, которые еще не были осуждены и содержались в тюрьмах Москвы, и 527 человек, отбывавших заключение в Орловской и Владимирской тюрьмах по ранее вынесенным приговорам. По-видимому, толчком к предложению Берии и Меркулова стали уже начавшиеся расстрелы в прифронтовых тюрьмах. В записке, в отличие от предыдущих аналогичных запросов, не указывалось, каким органом должны быть осуждены все эти люди. Не исключено, что авторы имели в виду создание по решению Политбюро какого-либо специального внесудебного органа. Однако постановление Политбюро по данной записке нам не известно, не было создано и никаких чрезвычайных органов для осуждения. Прилагавшийся список, к сожалению, нами пока не разыскан. Полагаем, что если он и был утвержден Сталиным, то в значительно урезанном виде и с требованием соблюдения формальных процедур осуждения и утверждения приговоров. При этом не вызывает сомнения, что в каком-то виде санкция Сталина на срочную «разгрузку» московских тюрем была получена. В течение трех дней – 27, 28 и 30 июля – в Москве были расстреляны 535 человек. Из них 513 человек – по приговорам ВКВС от 5–12 июля, утвержденным 18 июля Комиссией Политбюро (М.И. Калинин, М.Ф. Шкирятов, В.Н. Меркулов). Несколько десятков человек, также осужденных ВКВС в первой половине июля, расстреляли позже – 16 октября 1941 г. В этот день был произведен самый массовый после 1937–1938 гг. московский расстрел – 222 человека, из них 45 по приговорам ВКВС²⁵.

АРЕСТЫ И ОСУЖДЕНИЯ ПО ПОЛИТИЧЕСКИМ ОБВИНЕНИЯМ во время войны и в течение двух лет после нее – одна из самых неизученных страниц в истории политических репрессий. Процесс реабилитации в отношении безвинно пострадавших в эту эпоху протекает крайне медленно и пока далек

²⁴ Среди расстрелянных по приговорам ВКВС 1939–1941 гг. выделяются две основные группы. Одна, самая большая, – это арестованные в 1937–1938 гг., следствие по делам которых по разным причинам затянулось. Вторая группа – арестованные уже после того, как террор прошел свой пик. Среди них заметную часть составляют «ежовцы», т.е. те, чьими руками осуществлялся террор. Плановые аресты руководителей НКВД начались с осени 1938 г., расстреляны они были в основном в 1939 – начале 1940 г.). В числе расстрелянных в июле–октябре 1941 г. видим также и генералов, успешных принять участие в начавшейся войне (Д.Г. Павлов и другие), и некоторых видных деятелей, привезенных из Прибалтики. Впрочем, расстрелы 1941 г. в нашей книге не отражены, так как документы о кремациях расстрелянных в этом году и впоследствии реабилитированных людей отсутствуют.

²⁵ Имена большинства расстрелянных в конце июля–октябре 1941 г. фигурировали еще в списке Берии от 6 сентября 1940 г. Отдельного упоминания заслуживают московские расстрелы осени 1941 г. по директиве НКВД СССР от 18 ноября 1941 г. (разослана во все органы НКВД шифротелеграммой за № 1598), предписывавшей привести в исполнение приговоры к расстрелу, не дожидаясь решений кассационных или утверждающих инстанций.

от завершения. Кроме того, не собраны репрессивные нормативные акты военного времени (за исключением актов о депортациях народов), явно неполными выглядят опубликованные статистические данные, мы до сих пор почти не имеем представления о деятельности целого ряда судебных органов военного времени (военно-полевых судов, лагерных судов и т.п.).

В настоящем издании упоминаются лишь два осуждающих органа военного времени: Особое совещание при НКВД СССР и военные трибуналы.

ОСО при ОГПУ СССР было создано в 1924 г. на базе существовавшей еще с 1922 г. Комиссии по административным высылкам при ГПУ/ОГПУ. В 1934 г., при образовании НКВД, ОСО было сохранено со своими прежними правами на внесудебное рассмотрение дел по определенной группе обвинений и на осуждение в ссылку или в концлагерь на срок до 5 лет. В состав ОСО, согласно Положению, утвержденному 5 ноября 1934 г. ЦИК и СНК СССР, входили высшие чины НКВД, председательствовал на ОСО нарком внутренних дел, в заседаниях обязательно должен был принимать участие Прокурор СССР (в реальности обычно участвовали заместители). Решения о наказаниях, выносимые ОСО, имели силу судебного приговора и являлись окончательными - они могли пересматриваться только самим ОСО. Решения оформлялись протоколами заседаний, выписки из которых приобщались к соответствующим следственным делам и рассылались на места для исполнения наказания.

Права ОСО постоянно расширялись (например, в 1937 г. оно уже могло приговаривать к 10 годам тюрьмы), однако до начала войны приговаривать к расстрелу оно не могло. 17 ноября 1941 г. решение Государственного комитета обороны № 303сс предоставило ОСО при НКВД право приговаривать к смертной казни. 21 ноября 1941 г. Берией был издан приказ НКВД СССР № 001613, в котором всем органам НКВД предписывалось «впредь все без исключения законченные следствием дела, возникающие в органах НКВД» по всем пунктам статьи 58 и большинству пунктов статьи 59 УК РСФСР «направлять на рассмотрение Особого совещания НКВД СССР». Порядок приведения в исполнение приговоров ОСО к расстрелу был определен Приказом НКВД СССР № 00212 от 30 января 1942 г.: принятые решения о смертной казни надлежало передавать для исполнения в местные органы НКВД по телеграфу за подписями наркома внутренних дел СССР и начальника 1-го спецотдела НКВД, приводить их в исполнение в течение 24 часов с момента получения телеграммы, объявлять осужденным решения ОСО лишь непосредственно перед расстрелом.

Право ОСО выносить приговоры к расстрелу формально не было отменено до упразднения этого органа в сентябре 1953 г. Однако, насколько нам известно, решения о смертной казни ОСО выносило только в 1942–1945 гг.

В справках об итогах деятельности Особого совещания, составленных уже в 1953–1954 гг., указано, что в 1942–1944 гг. оно осудило 113 293 человек, из них к расстрелу – 10 101 (8,9 %): 9395 – в 1942 г., 650 – в 1943 г., 56 – в 1944 г. Цифры за 1943 г. и особенно за 1944 г. вызывают некоторое недоверие. Они выглядят явно преуменьшенными. В тех же источниках указано, что в 1945 г. ОСО осудило 26 581 человека, но к расстрелу – ни одного из них.

Последнее – очевидная ошибка, происхождение которой остается для нас неясным. ОСО продолжало приговаривать к расстрелу (хотя и в значительно меньших, чем в 1942–1943 гг., масштабах) по крайней мере вплоть до декабря 1945 г. В Москве, например, по приговорам ОСО в 1945 г. были расстреляны не менее 98 человек.

На заседаниях ОСО в военные годы председательствовали заместители наркома внутренних дел – В.Н. Меркулов, С.Н. Круглов, И.А. Серов, Б.З. Кобулов. Наши сведения основываются не на протоколах заседаний ОСО (с ними нам не удалось ознакомиться), а на предписаниях о приведении в исполнение приговоров ОСО к расстрелу в Москве, которые подписывали именно эти высшие чины НКВД (вместе с начальником 1-го спецотдела Герцовским). Проверкой следственных дел, составлением заключений по ним, организацией заседаний, оформлением протоколов и контролем за исполнением решений занимался специальный аппарат (секретариат) Особого совещания. В течение всех военных лет секретариатом руководил В.В. Иванов, дослужившийся на этой должности до генерал-майора (в 1955 г. лишен генеральского звания «как дискредитировавший себя за время работы в органах»).

В нашей книге только 15 имен людей, приговоренных ОСО к смертной казни. В первую очередь потому, что рядом с актами 1942–1945 гг. о московских расстрелах по приговорам ОСО почти не сохранилось актов о кремации. К тому же надо помнить, что большинство людей, приговоренных к расстрелу этим органом, содержались под арестом и были расстреляны не в Москве, а в других городах, областях, краях, республиках.

БОЛЬШИНСТВО РАССТРЕЛЯННЫХ В ГОДЫ ВОЙНЫ, чьи биографические справки вошли в настоящее издание, были осуждены военными трибуналами. С началом войны роль этих судебных органов стала первостепенной в репрессивной политике.

Во второй половине 1930-х годов основными осуждающими трибуналами в Москве были Военный трибунал Московского военного округа и Военный трибунал войск НКВД Московского округа. С 1941 г. число трибуналов резко возросло. Трибуналы создаются теперь не только на уровне военных округов, фронтов, армий, но и на уровне дивизий, бригад, других отдельных соединений. Кроме того, в местностях, объявленных на военном положении, в трибуналы преобразуются многие суды общей юрисдикции – областные, городские, районные. Именно таким образом возникли Можайский, Серпуховской, Загорский, Коломенский и некоторые другие трибуналы МВО, приговоры которых фигурируют в настоящем издании. Постановлением Военного совета Западного фронта от 25 октября 1941 г. Московский городской суд был преобразован в Военный трибунал г.Москвы с постоянными сессиями в районах (фактически районными военными трибуналами). Надзорной инстанцией для Военного трибунала г.Москвы был Военный трибунал МВО.

Если раньше трибуналы принимали к рассмотрению преимущественно дела военнотружущих, а из дел гражданских лиц – только те, что содержали наиболее серьезные обвинения (в измене Родине, шпионаже, терроре, диверсии), то с началом войны перечень составов преступлений, подсудных

трибуналам, неизмеримо расширился. Особенно это относится к трибуналам в местностях, объявленных на военном положении: к делам по всем пунктам 58-й статьи УК прибавились дела об уклонении от всеобщей воинской обязанности (ст.68), о сопротивлении представителям власти (ст.73), об умышленных убийствах (ст.ст.136–138), разбое (ст.167), дела «по Закону от 7 августа 1932 г.» и др. Кроме того, в деятельности трибуналов были произведены серьезные процессуальные изменения. Важнейшее из них – приговор трибунала был окончательным и не подлежал кассации, возможно было только опротестование приговора в порядке надзора.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 июня 1941 г. в «особо исключительных случаях, вызываемых развертыванием военных действий» право утверждения приговоров к расстрелу получили Военные советы фронтов, затем это право было распространено на Военные советы армий, а также на командующих фронтами и армиями. Председатели военных трибуналов стали использовать этот механизм довольно широко, совсем не только в «особо исключительных случаях». Что касается приговоров к расстрелу, то председатель трибунала должен был о каждом из них телеграфно уведомить председателя ВКВС и главного военного прокурора (РККА или ВМФ). Одновременно уведомление о приговоре направлялось в Военный совет фронта/армии или соответствующему командующему. Последние имели право приостановить исполнение приговора, сообщив свое мнение в ВКВС или в Главную военную прокуратуру. Если в течение 72 часов на телеграмму трибунала не поступало указания из ВКВС или ГВП приостановить приговор с целью его дальнейшего опротестования в порядке надзора и не было приостанавливавшего указания от военного командования, приговор приводился в исполнение.

За весь военный период в нашей книге отражены расстрелы только 1942 г. Здесь 189 имен казненных по приговорам военных трибуналов. В основном это рядовые граждане – красноармейцы, младшие офицеры, рабочие, сельские жители. Именно в 1942 г. трибуналы, дислоцировавшиеся в Москве и Московской области, выносили особенно много приговоров к расстрелу²⁶. Это было обусловлено в основном двумя причинами: во-первых, общим ужесточением законодательства и практики его применения и, во-вторых, тем, что трибуналы рассматривали дела по районам области, побывавшим под немецкой оккупацией. В некотором смысле практика московских трибуналов 1942 г. стала «моделью» для работы многих других военных трибуналов в последующие периоды войны по делам, возбужденным на освобожденных от оккупации территориях СССР.

²⁶ Осужденных трибуналами на территории Московской области для исполнения приговоров, как правило, привозили в Москву. Главным управлением военных трибуналов 1 августа 1942 г. была издана специальная директива, согласно которой председатель трибунала, вынесшего приговор, должен был направлять предписание на расстрел начальнику 1-го спецотдела НКВД, в предписании, кроме фамилии, имени, отчества осужденного следовало указывать год и место его рождения, по какой статье осужден, когда и кто утвердил приговор.

Трибуналы, как уже было сказано, рассматривали дела практически по всему спектру статей УК. В 1942 г. они много осуждали за «измену Родине», «шпионаж», более всего – за дезертирство и уклонение от призыва, часто – за членовредительство. С годами приоритеты менялись, и в 1944 г., например, трибуналы постоянно рассматривали дела по обвинению в «предательстве и пособничестве немецким оккупантам».

У читателя может возникнуть недоумение относительно расстрелов в годы войны за «антисоветскую агитацию». Ведь даже в эпоху «большого террора» не было судебных приговоров к расстрелу исключительно по этому обвинению, оно лишь «аккомпанировало» – «измене Родине», «шпионажу» и т.п. Однако надо помнить, что в статье 58-10 УК РСФСР была еще и часть 2-я, которая предусматривала санкцию вплоть до расстрела за «те же действия <...> в военной обстановке или в местностях, объявленных на военном положении». Таким образом, «агитация» в военное время автоматически предполагала квалификацию обвинения именно по этой, 2-й части. Надо сказать, что в самом начале войны судьи, возросшие на опыте 1930-х годов, нередко приговаривали людей по статье 58-10 ч.1. Приговоры соответственно были более мягкими. Это вызвало специальное разъяснение Наркомата юстиции от 15 ноября 1941 г., где твердо указывалось, что квалифицировать «агитацию и пропаганду» следует по статье 58-10-2, причем независимо от того, объявлена местность на военном положении или нет.

Аресты и осуждения за «к.-р. агитацию» занимают одно из центральных мест в советской репрессивной политике военных лет. Например, судя по статистическим сводкам НКВД СССР, в 1942 г. всего по стране было арестовано около 191 тысячи человек. В том числе за «к.-р. агитацию» – 56 718 (около 30 %), среди них «пораженцев» 24 307, «распространителей провокационных слухов, паникеров» 6053, «агитаторов» «с террористическими тенденциями» 1987, наконец, допустивших «разные антисоветские высказывания» 24 371. Почти все арестованные были осуждены трибуналами и судами по статье 58–10. Часть – к расстрелу. И далеко не все дела к настоящему моменту пересмотрены, в том числе и многих осужденных в Москве.

В СЕНТЯБРЕ 1945 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР было отменено военное положение на всей территории СССР, за исключением Прибалтики и Западных областей Украины и Белоруссии (там оно было отменено в июле 1946 г.). Соответственно возросла роль судов общей юрисдикции. Однако к расстрелу по делам, которые вели органы НКВД, НКГБ, «Смерш», а также действовавшие в местах дислокации советских войск за пределами СССР опергруппы НКВД, по-прежнему более всего осуждали органы военной юстиции – трибуналы и ВКВС. При этом число приговоров к расстрелу резко уменьшилось по сравнению с военным временем²⁷.

26 мая 1947 г. Указом ПВС СССР была отменена смертная казнь. Вместо нее предписывалось применять наказание в виде 25 лет лишения свободы.

²⁷ Этого нельзя сказать о приговорах, выносившихся советскими органами юстиции в 1945–1947 гг. за границей: там военные трибуналы продолжали действовать во многом по законам военного времени.

В нашей книге последняя дата расстрела перед отменой смертной казни – 9 апреля 1947 г. В этот день расстреляли группу японских военных – большинство из них сейчас реабилитированы²⁸.

После этого в СССР три года никого не казнили. Правда, в различных публикациях мы не раз встречали утверждения, что на самом деле был издан некий секретный циркуляр, на основании которого смертная казнь осуществлялась и в этот период. Однако источники, подтверждающие эту версию, нам неизвестны.

12 января 1950 г. Указом ПВС СССР вновь была введена смертная-казнь, но вначале только для «изменников Родине, шпионов, подрывников-диверсантов». В этот момент наступает некоторый разнобой в деятельности осуждающих органов – одни начинают осуждать к расстрелу, другие ждут разъяснений, можно ли выносить расстрельные приговоры людям, совершившим инкриминируемые деяния до издания Указа. Формальная санкция на придание Указу обратной силы была дана после обсуждения этого вопроса 14 марта 1950 г. в ЦК – с участием министров юстиции и госбезопасности, Прокурора СССР и председателя Верховного суда. А уже 23 марта Абакумов представил Сталину список на 85 человек, следствие по делам которых было завершено Центральным аппаратом МГБ СССР и которые, по его мнению, подлежали осуждению Военной коллегией к смертной казни. Записка заканчивалась словами: «Заседания Военной коллегии, по опыту прошлого, считаем необходимым провести без участия сторон в Лефортовской тюрьме, с рассмотрением дел на каждого обвиняемого в отдельности, без права обжалования, помилования и с приведением приговора суда в исполнение немедленно. Прошу Вашего разрешения». Процедура осуждения у Сталина возражений не вызвала, но список его не устроил. Значительную часть списка составляли обвиняемые по «ленинградскому делу» и по делу Еврейского антифашистского комитета. Относительно этих людей у Сталина имелись, по-видимому, иные планы – они должны были стать фигурантами больших групповых процессов, а не просто осужденными «по отдельности», как предлагал Абакумов. Имена этих арестованных из списка изъяли²⁹, и после того как Абакумов 11 апреля представил список в усеченном варианте (на 35 человек), Сталин его утвердил. 33 человек из этого списка по приговорам ВКВС расстреляли с 18 по 24 апреля 1950 г. Имена 17 из них в нашей книге. Это были первые расстрелы в Москве после трехлетнего перерыва.

²⁸ Из числа расстрелянных в 1945–1947 гг. в нашей книге всего 22 имени. Из них 13 – японские военные. Думается, это соотношение свидетельствует более всего о настоячивости японской стороны в деле реабилитации. Процесс реабилитации советских граждан, приговоренных к расстрелу в послевоенное время, к сожалению, идет не так интенсивно, как хотелось бы.

²⁹ 32 обвиняемых по «ленинградскому делу», 16 – по делу ЕАК. Из списка были вычеркнуты еще две фамилии: М.М. Бородина (Грузенберга) – главного редактора «Москоу Ньюс», более всего известного по работе в Китае в 1920-е годы (обвинен в шпионаже, троцкизме и т.д.), и И.Н. Терентьева – 1-го секретаря Ульяновского обкома ВКП(б), обвиненного в «расхищении социалистической собственности». Бородина хотели провести по делу ЕАК, но он умер в тюрьме до начала процесса – в конце мая 1951 г., Терентьев был осужден к ИТЛ.

Потом на четыре месяца в московских расстрелах наступила пауза³⁰. Связано это было с нежеланием Сталина восстанавливать переставшую функционировать в 1947 г. (вместе с отменой смертной казни) Комиссию Политбюро по судебным делам, новый же механизм для контроля над приговорами к расстрелу был создан лишь к августу 1950 г. Теперь все прошения о помиловании приговоренных к расстрелу рассматривались председателем Президиума Шверником, его заместителем М.П.Тарасовым, секретарем Президиума А.Ф. Горкиным, а также заместителем председателя Верховного суда Е.Л. Зейдиным, председателем ВКВС А.А. Чепцовым и Прокурором СССР Г.Н. Сафоновым. Результаты рассмотрения оформлялись протоколом, который, вместе с сопроводительной запиской на имя Сталина, подписанной Шверником (а в его отсутствие Тарасовым и Горкиным), направлялся в ЦК. Затем издавалось Постановление Политбюро (с октября 1952 г. – Президиума) ЦК, утверждавшее проект Постановления ПВС по ходатайствам о помиловании. После этого оформлялось само Постановление ПВС, которое передавалось в Верховный суд. Затем на места рассылались указания о применении помилования или о приведении приговора к расстрелу в исполнение. В случае, если осужденный находился в Москве или для исполнения приговора его следовало доставить в Москву, соответствующее предписание из ВКВС направлялось начальнику отдела «А» МГБ СССР, который отдавал дальнейшие распоряжения. Этот механизм просуществовал до смерти Сталина. Параллельно в тот же период продолжалась и практика осуждения Военной коллегией «в порядке Закона от 1 декабря 1934 г.»³¹.

В нашей книге немногим более ста справок о приговоренных к расстрелу ВКВС в последние годы жизни Сталина. Имена некоторых из них уже фигурировали в вышеупомянутом абакумовском списке. Шесть «руководителей вредительско-подрывной работы в партии», проходивших по «ленинградскому делу», – Н.А. Вознесенский, А.А. Кузнецов и другие – были осуждены Выездной сессией ВКВС и расстреляны в Ленинграде в ночь на 1 октября 1950 г. Большую часть их однодельцев (в том числе брата и сестру Вознесенского) казнили в Москве в конце октября 1950 г.³² 12 августа 1952 г. были расстреляны 13 деятелей Еврейского антифашистского комитета, и в их числе поэты Давид Гофштейн, Лев Квитко, Перец Маркиш, актер Вениамин Зускин.

В 1950 г. ВКВС приговорила к расстрелу немало военных в высоких чинах. Одни из них (В.Н. Гордов, Ф.Т. Рыбальченко, П.И. Кулик) навлекли на себя гнев Сталина слишком свободными разговорами, другие (например, Н.К. Кириллов, П.Г. Понеделин) оказались в первые годы войны в плену,

³⁰ Единственное исключение – расстрелянный 25 июля 1950 г. австриец А. Кольбер (не реабилитирован).

³¹ С апреля 1953 г. решения о помиловании уже не посылались из Верховного Совета на утверждение в ЦК. Одновременно была прекращена практика рассмотрения дел «в упрощенном порядке». Формально Закон от 1 декабря 1934 г. был отменен в марте 1956 г.

³² Расстрелянные в Ленинграде, согласно акту, были «зарыты в яму на спецобъекте УМГБ Ленинградской области» (видимо, в Левашово), расстрелянные в Москве кремированы. Для организации приведения приговоров в исполнение в Ленинград из Москвы специально выезжали Блохин, Герцовский, а также военный прокурор Кульчицкий.

прошли немецкие лагеря, в 1945 г. были освобождены (часто – войсками союзников), затем доставлены в СССР, здесь арестованы и через пять лет расстреляны.

ОДНАКО БОЛЬШИНСТВО РАССТРЕЛЯННЫХ В МОСКВЕ в 1950–1953 гг. – вовсе не советские граждане. Это в основном жители Германии, но также и Австрии, осужденные советскими военными трибуналами за границей. В настоящем издании 674 имени таких людей.

Весной 1945 г. с вступлением Красной Армии на территорию Германии немецких граждан – как бывших военнослужащих, так и гражданских лиц – судили советские военные трибуналы дивизий, корпусов, армий и фронтов. Затем возникла еще одна сеть трибуналов: летом 1945 г. были образованы управления советской военной администрации земель и провинций Германии с военными трибуналами в каждой из них. Просуществовала эта система до конца 1940-х годов. Высшим органом советской военной юстиции на территории Германии был Военный трибунал Группы советских оккупационных войск в Германии (ГСОВГ), созданный в 1945 г. на базе ВТ 1-го Белорусского фронта. Все советские военные трибуналы в Германии рассматривали дела не только советских военнослужащих, но и германских граждан. За 1945–1947 гг. ими, по некоторым сведениям, было вынесено несколько тысяч приговоров к расстрелу. Параллельно в Германии непрерывно действовала и система немецких судов, которые также имели право приговаривать к расстрелу. При этом надо помнить, что советское решение 1947 г. об отмене смертной казни их не касалось.

После образования в октябре 1949 г. Германской Демократической Республики возникла проблема разграничения полномочий советских и германских судебных органов. Вопрос рассматривался в сентябре 1950 г. на Политбюро. Окончательное решение нам неизвестно, но, насколько можно понять из контекста, часть составов обвинений, ранее рассматривавшихся советскими трибуналами, передавалась в немецкие судебные органы: обвинения в военных преступлениях, преступлениях против мира и человечности, если эти преступления не были направлены против СССР, в преступлениях, направленных против основ ГДР, обвинения в незаконном хранении оружия и т.д. За советскими трибуналами закреплялось в первую очередь право рассматривать дела германских граждан, обвинявшихся в военных преступлениях и преступлениях против человечности, если эти преступления были направлены против СССР, в государственных преступлениях (ст.58 п.2–14), если они были направлены против СССР, в преступлениях против жизни и имущества советских граждан, в крупных хищениях советского имущества, а также в соучастии в преступлениях, совершенных советскими гражданами.

Все известные нам приговоры к расстрелу, вынесенные германским гражданам в 1950–1953 гг. на территории Германии советскими судебными органами, – это приговоры исключительно одного трибунала – ВТ ГСОВГ (ВТ в/ч 48240). В Австрии в этот же период аналогичные приговоры выносились от имени Военного трибунала Центральной группы войск (ВТ в/ч 28990). Всего ими было приговорено к расстрелу в этот период более тысячи человек.

Почти все осужденные обвинялись в шпионаже в пользу иностранных разведок. Легко заметить, что среди них были люди самых разных возрастов и социальных групп. Много рабочих, но немало и представителей свободных профессий. Много молодежи. Есть люди, занимавшие заметные должности (например, бургомистр Потсдама), однако основная масса – рядовые граждане. Есть социал-демократы, есть бывшие члены НСДАП, есть и члены других партий. Так что в целом дать обобщенную характеристику этой группе весьма затруднительно.

После вынесения приговоров к смертной казни материалы об осужденных вместе с ходатайствами о помиловании отсылались в Москву для утверждения. Самых осужденных иногда через несколько дней этапировали прямо в Москву (в Бутырскую тюрьму), иногда из Германии их везли вначале в промежуточную тюрьму в Бресте, а в Бутырки оттуда доставляли только после рассмотрения в Москве приговора и ходатайства о помиловании, известны случаи, когда осужденных задерживали в немецких или австрийских тюрьмах до принятия в Москве окончательного решения об их участи. В разные периоды имели место все эти варианты.

Возникает естественный вопрос, почему для приведения приговора в исполнение надо было везти этих людей за две тысячи километров. Казалось бы, ничто не мешало расстрелять осужденных на месте, в Германии (тем более что в 1945–1947 гг. именно так и делалось). Точного ответа у нас нет. Наиболее вероятное предположение, как нам кажется, заключается в том, что за границей, с точки зрения МГБ СССР, не могла быть должным образом обеспечена секретность расстрела и места захоронения.

После смерти Сталина практика этапирования осужденных из-за границы в Москву специально для расстрела почти сразу же исчезает. Исключения носят единичный характер³³.

В НАСТОЯЩЕМ ИЗДАНИИ 5068 ИМЕН. Однако в реальности расстрелянных, чей прах или тела были захоронены вблизи Московского крематория на Донском кладбище, гораздо больше. Причин к этому несколько:

В нашей книге имена только тех казненных, кто впоследствии был реабилитирован. Но очень многие не реабилитированы. Иногда потому, что по ряду дел в реабилитации было отказано. Но главная причина в другом – процесс реабилитации не завершен и многие дела еще даже не попали в руки прокурорских работников, на которых Законом от 18 октября 1991 г. возложена обязанность выносить реабилитационные решения. В особенности это касается приговоренных к расстрелу в 1941–1947 гг.

³³ По нашим данным, начиная с апреля и до конца 1953 г. в Москве по приговору ВТ в/ч 48240 был расстрелян лишь один человек. Это Вальтер-Эрих Линзе, проживавший в Западном Берлине и работавший в «Следственном комитете Свободных юристов» – организации, собиравшей сведения о репрессиях в Восточной зоне, о характере преобразований там, о настроениях населения и т.п. Эту организацию в аппарате Уполномоченного МГБ в Германии рассматривали как шпионскую. Линзе был вывезен в ГДР и осужден к расстрелу ВТ ГСОВГ 23 сентября 1953 г. по ст.58-6 ч.1, 58-10 ч. 1, 58-11. Ходатайство о помиловании отклонено ВСП СССР 2 ноября 1953 г. Расстрелян 15 декабря 1953 г. В тот же день по приговору ВКВС был расстрелян Иван Иванович Варфоломеев, бывший эмигрант. Это последняя дата расстрелов в нашей книге.

В нашей книге имена только тех, относительно кого имеется документальное подтверждение, что после расстрела тело было кремировано или направлено на кремацию. Но в очень многих случаях, как мы уже говорили, акты о кремациях или захоронениях утрачены и, по-видимому, безвозвратно. Иногда (и не так редко) по целому ряду признаков мы можем предполагать, что тела расстрелянных были кремированы. Однако отсутствие документов не позволяет нам делать на этот счет твердые выводы. Здесь необходимо проведение тщательных дополнительных исследований, результаты которых можно было бы закрепить формальными экспертными заключениями. Такие экспертизы документов о расстрелах 1920-х – начала 1930-х годов и 1950–1953 гг. уже проведены.

Есть много случаев, когда нам известно имя человека (из расстрельного акта), достоверно известно, что после расстрела он был кремирован (есть акт о кремации), из дополнительных источников (например, из упоминания в какой-либо публикации) известен факт реабилитации, но, несмотря на все это, справки об этом человеке в нашем издании нет. Это связано с тем, что почти вся информация для справок извлекается из следственных дел. Однако многие дела расстрелянных, хранившиеся прежде в Москве, по самым разным причинам (чаще всего в процессе реабилитации) были переданы в архивы других регионов России или республик, ставших теперь отдельными странами. Получить оттуда дело (или даже развернутую информацию о расстрелянном человеке) затруднительно. При этом нередко справки о людях, расстрелянных в Москве, попадают в Книги Памяти, издаваемые в тех местах, где сейчас хранится следственное дело. К сожалению, в целом ряде региональных Книг Памяти не принято указывать многие важнейшие данные о подвергшихся репрессиям людях: место работы, дату ареста, приговоривший орган и т.д. Именно из-за неполноты информации мы при работе над настоящей книгой смогли воспользоваться только частью обнаруженных нами в региональных изданиях справок на расстрелянных в Москве³⁴. Кроме того, немало случаев, когда из-за недостаточности исходной информации или, например, случайного пропуска имени в какой-либо архивной картотеке составителям не удавалось определить даже местонахождение дела.

Мы приносим глубокие извинения родственникам тех людей, биографические справки о которых должны были бы войти в настоящее издание, но не вошли по перечисленным выше причинам. Мы надеемся, что при подготовке следующего тома Книги Памяти многие из указанных препятствий удастся преодолеть.

НЕОБХОДИМО КОСНУТЬСЯ ЕЩЕ ОДНОЙ ПРОБЛЕМЫ, связанной с составом настоящей книги. Мы уже не раз говорили, что она содержит справки только о тех, кто был реабилитирован. Такой подход обусловлен как норма-

³⁴ При выявлении справок в региональных Книгах Памяти нами использовался изданный «Мемориалом» CD-диск, в котором объединены данные почти из всех опубликованных (и некоторых только готовящихся к печати) региональных Книг Памяти. Всего на диске содержится информация более чем о 1 300 000 жертвах репрессий. См.: Жертвы политического террора в СССР. Изд.3. М.: Звенья, 2004.

тивными актами, по сути, исключаящими работу над делами нереабилитированных, так и требованиями многих родственников жертв.

Но процесс реабилитации во все годы – как в 1950-е, так и, к сожалению, в последний период – зачастую не удерживался в рамках права. На первом этапе реабилитация в немалой степени была подчинена идее «политической целесообразности». Например, в 1950-е – 1960-е годы реабилитация в основном касалась жертв репрессий второй половины 1930-х годов. При этом участие в тройках, созданных в августе 1937 г. для проведения так называемой кулацкой операции, было достаточным основанием для отказа в реабилитации. Именно поэтому отказано в реабилитации (с нашей точки зрения, совершенно справедливо) многим бывшим руководителям НКВД, расстрелянным после окончания «большого террора» по обвинению в шпионаже и участии в «заговорщических организациях»³⁵.

Но одновременно, в полном согласии с тезисом Хрущева о том, что главной пострадавшей от репрессий частью советского общества была партия, которую уничтожали «вышедшие из-под контроля органы», в те же годы были реабилитированы практически все без исключения советские деятели, прокуроры и руководящие работники ВКП(б), в том числе и те, кто принимал вместе с руководителями УНКВД прямое участие в репрессиях, в работе троек. Например Е.Г. Евдокимов и Р.И. Эйхе. Первый в 1937–1938 гг. был секретарем Ростовского обкома, второй в 1937 г. – секретарем Западно-Сибирского крайкома; в деятельности троек оба играли отнюдь не второстепенную (как некоторые другие секретари обкомов), а ведущую роль. Ими приговорены многие тысячи безвинных (ныне реабилитированных) людей. Оба реабилитированы в 1950-х, имена обоих – в нашем издании.

Впрочем, есть случаи реабилитации и работников НКВД – руководителей террора 1937–1938 гг. Например, в 1955 г. был реабилитирован Н.И. Антонов-Грицюк, нарком внутренних дел и председатель тройки в Кабардино-Балкарии в 1937 г., затем переехавший в Москву и ставший здесь начальником Тюремного отдела НКВД СССР. В 1961 г. реабилитировали С.Ф. Реденса, до конца 1937 г. являвшегося начальником Московского УНКВД. Тройкой под его руководством были приговорены к смертной казни тысячи москвичей. Реабилитация его стала возможна вследствие настойчивости семьи Аллилуевых (Реденс и Сталин были женаты на сестрах) и из-за его бывших личных связей с Хрущевым. Справки об Антонове-Грицюке и Реденсе – также в настоящем издании. Кроме того, реабилитировано множество партийных и советских работников, которые хотя и не принимали участия в репрессиях 1937–1938 гг. (к началу «массовых операций» они были уже арестованы), но

³⁵ Обвинения были, безусловно, ложными. На этом основании некоторые родственники в последние годы стали обращаться с заявлениями о реабилитации этих людей. Нам известно несколько случаев, когда реабилитирующие органы, рассмотрев дело, производили перекалфикацию обвинений с «шпионажа», «террора», «измены Родине» на «превышение служебных полномочий» или «злоупотребление властью» при отягчающих обстоятельствах. При этом мера наказания (расстрел) признавалась адекватной. Таково, например, решение ВКВС от 6 июня 2002 г. по делу бывшего начальника Саратовского УНКВД А.Р. Стромина, расстрелянного в 1939 г.

были активнейшими организаторами и проводниками репрессий в более ранние периоды, например во время коллективизации. Когда их восстанавливали в правах в 1950-е-1960-е годы, был иной взгляд на коллективизацию и руководящее участие в раскулачивании и депортациях начала 1930-х годов никак не могло стать мотивом для отказа в реабилитации, скорее оно вписывалось в перечень заслуг того или иного партийного или государственного деятеля. В нашей книге есть имена и таких людей.

В последнее десятилетие мы не раз сталкивались и с совсем новыми факторами – в том числе с чисто формальным пониманием Закона теми, кто проводит реабилитацию. Так, были реабилитированы люди, которым в советские годы в реабилитации отказывалось по весьма веским, с нашей точки зрения, причинам. Например, начальник Свердловского УНКВД Д.М. Дмитриев, ревностный «ежовец», председатель тройки в 1937–1938 гг. (под его руководством эта тройка вынесла более 18 тысяч приговоров), или В.С. Агас, один из самых жестоких следователей, входивший, в частности, в следственную группу по делу «антисоветской троцкистской военной организации» («дело Тухачевского»). Оба реабилитированы. Первый – в 1994 г., второй – в 2001 г. Справки об обоих включены в настоящее издание³⁶.

В Законе РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г. сказано, что не подлежат реабилитации лица, «в делах которых имеются достаточные доказательства по обвинению в <...> преступлениях против правосудия». Конечно, Дмитриев и Агас никогда не входили в «к.-р. террористические организации», за участие в которых их расстреляли. Но участие их в преступлениях против правосудия общеизвестно. Оно зафиксировано во многих документах, опубликованных еще в самом начале 1990-х годов. Думается, что даже если в их следственных делах оно отразилось без «достаточных доказательств», привлечение дополнительных материалов не составило бы никакого труда. По нашему мнению, реабилитируя этих людей, органы прокуратуры следовали исключительно букве, но не духу Закона.

И все же людей, реабилитация которых вызывает сегодня сомнения, в нашей книге совсем немного. Почти все, чьи биографии представлены в книге, – безвинные жертвы сталинского террора.

СОСТАВЛЕНИЕ БИОГРАФИЧЕСКОЙ СПРАВКИ для нашей Книги Памяти происходило следующим образом. Из предписаний и актов на расстрелы брались имя и точная дата расстрела. Затем по справочным картотекам, прежде всего по картотеке Главного информационного центра МВД РФ, определялось место хранения следственного дела. По получению дела из него выписывалась вся необходимая информация. При этом имя, год рождения, сведения о национальности, образовании и т.д. вплоть до даты ареста брались, как правило, из анкеты арестованного, остальные данные – в основном из приговора и реабилитационных документов, приобщенных к следственному делу.

³⁶ На Донском кладбище захоронен прах и тех людей, чьи преступления столь несомненны, что реабилитация их не могла состояться ни в прошлую, ни в последнюю эпоху. Среди них руководители террора Ежов, Фриновский, Берия, а также многие их подручные, упоминавшиеся в этой статье (Кобулов, Меркулов, Цесарский и другие).

Если какие-либо сведения вызывали серьезные сомнения, редакторы вместе с составителями справок старались уточнить их, сличая между собой разные документы в рамках того же следственного дела, но в некоторых случаях редакторы сочли своей обязанностью воспользоваться и дополнительными источниками – специальной научно-справочной литературой и рекомендациями специалистов.

К справочникам, например, мы обращались для уточнения названий политических партий, к которым в разные годы принадлежали арестованные, для уточнения и раскрытия малопонятных современному читателю аббревиатур, которыми в анкетах зачастую обозначены места службы арестованных. Мы произвели проверку и уточнили названия почти всех упомянутых в книге учреждений и организаций, а кроме того, постарались «привязать» главки, управления, конторы к конкретным наркоматам и другим государственным структурам. Вся эта работа казалась нам важной, так как эти сведения могут значительно облегчить родственникам и исследователям поиск дополнительных архивных материалов об интересующих их людях.

К справочникам приходилось прибегать также для уточнения топонимов – названий губерний, волостей, районов, московских улиц. С особенно большим числом ошибок и нелепостей мы столкнулись в написании иностранных топонимов. К сожалению, далеко не всё здесь нам удалось уточнить. Но почти во всех случаях мы смогли отделить станицы от станций (те и другие в анкетах обозначены как «ст.») и указать, к какой именно из железных дорог того времени относилась та или иная станция.

Фамилии, имена, отчества и годы рождения мы давали в том виде, в каком они записаны в анкете арестованного. Мы должны были руководствоваться этим принципом (несмотря на то, что в отдельных случаях нам известны и более точное написание имени, и более точный год рождения), так как именно в таком виде они фигурируют в различных картотеках органов безопасности и внутренних дел, а обращение к этим картотекам – необходимый шаг в поисках сведений о расстрелянных (включая и местонахождение следственных дел).

В анкете и других официальных документах следственного дела (обвинительном заключении, приговоре) иногда указаны литературные и партийные псевдонимы человека, другие его имена, под которыми он (на законных основаниях или спасаясь от преследований) жил в разные годы. Эти имена мы публикуем в скобках после «основного», т.е. первого фигурирующего в анкете. В скобки мы помещали и варианты написания одного и того же имени или года рождения, встречающиеся в документах следственного дела. В небольшом числе случаев, когда иностранные имена были записаны в анкете в столь нелепом виде (причина этих искажений, видимо, и в недостаточном знании арестованным русского языка, и в уровне грамотности заполнявшего анкету сотрудника НКВД), что это может стать препятствием для родственников в их стремлении узнать судьбу близкого им человека, мы старались реконструировать более правильное написание имени, которое также помещали в скобках после указанного в анкете арестованного. Имена, данные в скобках, вошли во вспомогательный именной указатель.

Из сказанного уже очевидно, что в публикуемых справках, основанных почти исключительно на документах следственного дела, встречаются расхождения с данными из других источников.

Так, например, дата ареста может несколько отличаться от зафиксированной в семейном предании или в материалах семейного архива. В публикуемых справках она, как правило, указана по анкете арестованного. В случаях отсутствия там этой даты составители определяли ее, сопоставляя даты в ордере на арест и в протоколе обыска. Но ордер мог быть выписан за несколько дней до ареста (или, наоборот, оформлен задним числом), а обыск, в случае если человека арестовывали в командировке или на отдыхе, т.е. не по месту постоянного жительства, мог быть произведен в его квартире и спустя какое-то время после ареста. И если в следственном деле нет дополнительных сведений, подтверждающих одну из этих дат, то составители ориентировались на более раннюю из них.

Нередки расхождения, касающиеся места службы или должности человека. Здесь мы сталкиваемся с самыми разными вариантами. В анкете могло быть отражено только одно из нескольких мест службы арестованного, и не обязательно основное, а, например, то, где НКВД раскрыл «заговор», в связи с чем и последовал арест. В результате профессор и заведующий кафедрой в высшем учебном заведении в публикуемой справке фигурирует как консультант какого-либо малоизвестного учреждения. Иные, гораздо более частые случаи – когда человека за какое-то время до ареста (за несколько месяцев, недель, дней) перевели на менее значительную должность или же он вынужден был после увольнения устроиться на случайную работу. В анкете арестованного почти всегда указаны последнее место службы и должность (только в очень редких случаях в качестве дополнительной информации сообщено, какую должность арестованный занимал ранее). В биографическую справку составителями эти данные включены именно из следственного дела, а не из энциклопедий, материалов других архивов или сообщений родственников. Такой принцип публикации сведений о местах работы и должностях, несмотря на нарекания со стороны некоторых родственников погибших, принят практически во всех Книгах Памяти, в том числе и в настоящем издании.

Расхождения и неточности встречаются и в других данных, извлеченных из анкеты арестованного, – тут мы сталкиваемся и со случайными ошибками, и с намеренными искажениями фактов как со стороны сотрудников НКВД, так и со стороны арестованных. Первые, например, старались зафиксировать социальное происхождение арестованных в наиболее «компрометирующей» форме, подчеркнуть в этой графе анкеты принадлежность к «эксплуататорским классам». Арестованные иногда неточно указывали место рождения или домашний адрес, стремясь уберечь оставшихся на свободе родных, к тому же, как правило, предпочитали не акцентировать свою былую принадлежность к политическим партиям (кроме большевистской). При публикации сведений о социальном происхождении, национальности, образовании, партийности наше вмешательство в текст носило не более чем редакторский характер. Единственное, что

позволили себе редакторы, – это заменить формулу «из кулаков» на «из зажиточных крестьян».

Особенные сложности возникали у составителей в случаях, когда, сопоставляя сведения в анкете арестованного и тексте приговора о месте работы, занимаемой должности, о домашнем адресе, о членстве в партии, можно было предположить, что человек ранее подвергался репрессиям. При этом в материалах дела отсутствовали прямые указания на то, в каком году, каким органом и на какой срок он был приговорен, в какой тюрьме или каком лагере содержался, когда ему было предъявлено новое обвинение, когда он был этапирован в Москву. По мере возможности такие данные извлекались (уже на последнем этапе подготовки книги) из дополнительных материалов, к которым, впрочем, мы обращались лишь эпизодически. К сожалению, лакуны удалось восполнить далеко не во всех случаях и сведения о прошлых репрессиях, об исключениях из партии и о восстановлении в ней, а также о домашних адресах (в Москве или в ссылке) в целом ряде справок отсутствуют или представлены в неполном виде.

Дата приговора и точное название органа, вынесшего приговор, обычно брались составителями справок из текста приговора.

Формула обвинения также бралась из приговора. Однако зачастую обвинение там изложено невнятно или столь длинно (несколько абзацев), что точное его воспроизведение в нашем издании невозможно. Приходилось давать эту формулу в сокращенном виде или использовать формулы обвинений из приобщенных к делу реабилитационных документов – прокурорских протестов и заключений, реабилитационных определений и т.п.

Дата расстрела. Мы должны напомнить, что в течение нескольких десятилетий и вплоть до конца 1980-х годов органы НКВД–КГБ и отделы ЗАГС, руководствуясь специальными инструкциями, сознательно сообщали родственникам многих расстрелянных ложные сведения о времени и обстоятельствах смерти их близких. Поэтому во всех случаях, когда даты гибели людей, указанные в нашей книге и в других источниках, разнятся, более точными следует считать приведенные нами: они базируются на предписаниях и актах о расстрелах.

Фотографии расстрелянных мы помещали только те, что сохранились в следственных делах. К сожалению, качество многих из них весьма невысокое. Это связано и с качеством первоисточников, и с тем, что целый ряд фотографий получен нами из иногородних архивов в ксерокопированном виде. Всего в нашей книге 2622 фотографии.

НАД СОСТАВЛЕНИЕМ КНИГ ПАМЯТИ в Москве совместно работают общественные и государственные институции. Содействие этой работе оказывает Комиссия Правительства Москвы по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий.

Книги Памяти захороненных в Бутово готовит Общественная группа по увековечению памяти жертв политических репрессий. Она тесно сотрудничает с архивом Московского УФСБ и с Государственным архивом РФ, куда из УФСБ переданы (пока еще не все) следственные дела реабилитированных жертв репрессий. Уже вышли из печати восемь томов «Бутовского полиго-

на». Эта же группа вместе с общиной храма Святых Новомучеников и Исповедников Российских в Бутово издала книгу со списком всех 20 765 человек, которые были расстреляны в 1937–1938 гг. и захоронены на Бутовском полигоне. Замечательная особенность этого издания, основанного исключительно на расстрельной документации, хранящейся в Московском УФСБ, состоит в том, что перечислены в нем все расстрелянные, вне зависимости от того, реабилитированы они на сегодняшний день или нет.

По материалам, хранящимся в ЦА ФСБ, справки готовят сотрудники этого архива. В первой половине 1990-х годов справки, подготовленные в ЦА ФСБ, формировались в списки, которые затем передавались в общественные организации и газеты. На основании этих списков Обществом «Мемориал» в 1993 г. и 1995 г. были изданы две небольшие книги, посвященные захороненным на Донском и Ваганьковском кладбищах. Первая из них содержит справки на 670 человек, вторая – на 975. В 2000 г. «Мемориалом» вместе с ЦА ФСБ и Комиссией Правительства Москвы была издана книга, посвященная захороненным в «Коммунарке» и в Бутово в 1937–1941 гг. Книга содержит 4527 кратких биографических справок и 2187 фотографий расстрелянных³⁷.

В самые последние годы работа по составлению справок в ЦА ФСБ вновь интенсифицировалась. Это дало возможность, в частности, подготовить и эту книгу, в несколько раз превышающую по объему наше издание 1993 г.

Основной корпус справок для настоящей Книги Памяти был составлен в ЦА ФСБ по делам, хранящимся в этом архиве, а также в целом ряде региональных архивов РФ. Несколько сотен справок были составлены сотрудниками «Мемориала» по архивно-следственным делам, хранящимся в архиве УВД по Московской области, а также в Государственном архиве РФ. Кроме того, на самом последнем этапе работы редакция взяла на себя смелость извлечь около ста справок из различных региональных Книг Памяти.

ПАМЯТЬ О ПОГИБШИХ УВЕКОВЕЧЕНА на Донском кладбище на могилах невостребованных прахов. На общей могиле № 1 в центре круглой, покрытой дерном клумбы установлена плита с надписью: «Здесь захоронены останки невинно замученных и расстрелянных жертв политических репрессий. 1930–1942. Вечная им память». Неподалеку другая клумба и небольшая плита: «Общая могила № 2. Захоронения невостребованных прахов с 1943–1944 вкл.». Ближе всего к зданию бывшего крематория могила № 3. На дорожке, ведущей к ней, серая плита: «Общая могила невостребованных прахов. 1945–1989». На краю клумбы у входа на площадку еще одна небольшая плита: «Памяти жертв политических репрессий. 1945–1953». В центре клумбы бронзовый памятник в виде скорбящей женской фигуры

³⁷ Расстрельные списки. Вып. 1. Донское кладбище, 1934–1940. М., 1993; Расстрельные списки. Вып. 2. Ваганьковское кладбище, 1926–1936. М., 1995; Мартиролог расстрелянных и захороненных на полигоне НКВД «Объект Бутово», 8.08.1937–19.10.1938. Москва; Бутово, 1997; Бутовский полигон, 1937–1938. Вып. 1–8. М., 1997–2004; Расстрельные списки. Москва, 1937–1941. «Коммунарка», Бутово. М., 2000. Изданию Книг Памяти предшествовали, особенно в 1990-е годы, газетные публикации списков расстрелянных, и здесь велика роль «Вечерней Москвы».

в человеческий рост, а по краям несколько больших плит – три посвящены расстрелянным по «ленинградскому делу», одна, установленная в сентябре 2004 г., – расстрелянным по делу Еврейского антифашистского комитета. Здесь же несколько персональных плит в память о государственных деятелях Польши, Венгрии, Японии, плита в память о японских военнопленных. Кроме того, на всех могилах-клумбах персональные таблички самых разных видов и форм – их устанавливают родственники.

Общего памятника жертвам политического террора советской эпохи на Донском кладбище нет. Мы хотим надеяться, что издание настоящей Книги Памяти станет шагом на пути к его созданию³⁸.

³⁸ За постоянную помощь в работе автор послесловия выражает искреннюю признательность Н.М. Перемышленниковой и Я.Э. Рачинскому. Мы также благодарим за консультации и уточнения В.К. Виноградова, О.А. Горланова, Е.А. Зайцева, Л.Г. Новака, Н.Г. Охотина, Н.В. Петрова.